

Артем Шумилин Серж Винтеркей

**Ревизор:
Возвращение в СССР 11**

**Артем Шумилин
Серж Винтеркей
Ревизор: возвращение
в СССР 11
Серия «Ревизор», книга 11**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70257352*

Аннотация

Приключения московского аудитора, попавшего из нашего времени в 1971 год, продолжаются. Павел Ивлёв, помимо работы в «Комсомольском прожекторе» и «Знании», подключается и к научной жизни факультета. Между тем, глава «Комсомольского прожектора» в МГУ начинает подозревать, что что-то в его команде нечисто, и начинает расследование в поисках того, кто сливает информацию на сторону.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	47
Глава 5	60
Глава 6	75
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Артем Шумилин, Серж Винтеркей Ревизор: возвращение в СССР 11

Глава 1

Московская типография

«О.Генри. Короли и капуста». «И.Ефремов. Туманность Андромеды»...

Вот это я попал! Надо бежать отсюда, пока не увидели. Если заметят, что я здесь копаюсь, по голове может прилететь запросто. Левые тиражи – это не шутка. Если я прав, то тут такие деньги крутятся...

Поспешил к выходу и наткнулся на Кирилла Борщевского.

– Что там? Нашёл что? – с подозрением глядя на меня, спросил он.

– Да поразился, какие они тут вещи филигранные делают, – отмазался я, – причем на оборудовании времён царя Гороха.

– Ну хорошо. Иди тогда к нашим, погрейся. – сказал мне

Борщевский. — А я тут тоже все осмотрю и к вам присоединюсь.

Кивнул, соглашаясь. И пошел наверх. Хотелось Борщевского тоже за собой утащить, но это выглядело бы подозрительно. Ладно, пусть тоже посмотрит вокруг, авось не заметит ничего как обычно.

Поднимался по лестнице и думал, как хорошо, что меня никто, кроме Кирюхи, с этими клише не видел. Это ж такие книги дефицитные! Но проверка дополнительная нужна, чтоб наверняка знать. А то мало ли, официально все... Надо попроситься к директору в кабинет, посмотреть, есть ли среди готовой продукции художественная литература. Если нет, то это точно подпольное производство невероятно ходового и ценного товара.

Вышел в коридор, огляделся по сторонам, Василия Филипповича не заметил. Может, он уже наверх поднялся? И где, интересно, девчонки с Лёхой?

Выйдя на первый этаж, спросил у вахтёрши, стоявшей у открытой двери в кабинет начальства, там ли директор? Она недобро зыркнула на меня и ответила, что у нее всего два глаза, и она не может следить сразу и за комсомольцами, и за директором. Вот же какая сварливая старушенция. Смотрит на нас все время, как Ленин на буржуазию. Менять гнев на милость даже и не собирается.

— А за комсомольцами зачем следить? — сделал вид, что не понял, и направился к кабинету директора, сделав се-

бе мысленно отметочку. Оговорочка-то характерная. Скорее всего, начальство ей велело за нами следить, а она и проговорила.

В кабинете начальника типографии Лёха и девчонки спокойно пили горячий чай с баранками. Вид у всех был расслабленный и довольный жизнью. Самого директора тут не было, но ребят это совсем не смущало.

– Нормально вы устроились! – воскликнул я. – Первый этаж осмотрели?

– Зачем? – недоумённо уставилась на меня Маша. – Мы же в прошлый раз там были, все увидели.

– Вот именно. И что мы там увидели? – намёками решил говорить я, помня про стоявшую у дверей кабинета вахтёршу. – Устранили это или нет? Что нам в отчёт писать?

– Ну, сейчас посмотрим, – неохотно встал из-за директорского стола Лёха и направился по коридору.

– Ты куда это собрался? – повернулась к нему вахтёрша.

– По делам, бабушка, – вяло ответил тот, не поворачиваясь, и пошёл дальше. Вахтёрша, что-то недовольно причитая, засемила за ним. Маша пошла за вахтершей. Мы остались со Светкой в кабинете директора одни.

* * *

Василий Филиппович уже хотел возвращаться к себе в кабинет. Но потом решил на всякий случай заглянуть снова

в подвальный этаж. Надо проверить, ушли ли комсомольцы, да и мужикам дать отмашку, чтоб обогреватели включили, а то околеют совсем такими темпами.

И принесла же нелегкая этот Прожектор. Не было печали. Шастают комсомольцы везде, как тараканы, не уследить. И всюду нос свой суют. Хоть бы скорее ушли уже...

От этих невеселых размышлений директора типографии отвлек вид паренька, начальника всех этих комсомольцев, активно копающегося в груде клише. Тот увлеченно рассматривал каждую деталь, пытаясь разобрать надписи и не замечал ничего вокруг.

Сердце Василия Филипповича екнуло, по спине пробежал холодок. Он очень хорошо понял, что так заинтересовало ушедшего комсомольца в груде клише. Стараясь не производить шума, директор развернулся и тихо поднялся по лестнице.

* * *

Где же этот шкаф с образцами продукции? Ага, нашёл. Совершенно открыто, не скрываясь, я перебирал полку за полкой в кабинете Василия Филипповича. А что ещё делать скучающему студенту в ожидании, пока начальство появится?

Вскоре к нам заглянул Борщевский. Вернулся не так уж и быстро.

– О, вот вы где. А где остальные? – потирая озябшие руки, спросил он.

– Пошли проверять, убрали нагреватели и провода из щитов или нет.

– О, правильно! – одобрил Кирюха и бодренько схватил баранку со стола.

Что-то он какой-то возбуждённый и подозрительно довольный.

Вскоре в кабинет вошёл директор и наткнулся на меня, с атласом по географии для пятого класса в руках, перед шкафом с образцами, раскрытым нараспашку.

– Детство вспомнил, – улыбаясь, показал я атлас директору и положил его на место.

Тот кивнул равнодушно, словно и не услышал меня, и поинтересовался у Борщевского, где остальные? Кирилл пожал плечами и отхлебнул чай из чужого стакана, а то рот набил баранками с голодухи.

Тут мы услышали ворчание вахтёрши в коридоре. Вернулись Лёха с Машей.

– Ну, ничего там не устранили, – буднично сказал Лёха. – Всё, как было в первый день.

– Понятно, – строго заявил Кирилл. – Очень жаль. Мы надеялись, что вы уберёте это безобразие из-под ног ваших рабочих, – обратился он к директору. – Нам придётся отразить все нарушения в своём отчёте.

– Отражайте, – вдруг махнул рукой директор. – Закроют

нас, останутся дети без учебников, да и всё!

– Ну, это не мы с ребятами будем решать, закроют вас или нет, – важно ответил ему Борщевский. – Не нашего это ума дело. Но то, что наше, мы делаем на совесть. Обнаружили, зафиксировали, доложили.

– Ну, вот и докладывайте! – с вызовом заявил Василий Филиппович.

Ни попыток договориться. Ни страха или растерянности у директора не заметил. Только раздражение. Что это он так себя ведёт самоуверенно? И Кирилл как-то странно на него наскочил. Не похоже на него такое поведение. Обычно вежлив и не зарывается. Надеюсь, он клише лишние не заметил...

Время подходило к концу рабочего дня. Видя, что оба закусились и, того гляди, начнётся перепалка, осторожно предложил на сегодня закончить. Девчонки меня активно поддерживали, и вскоре мы уже стояли на остановке и ждали автобус.

– Кирюх, ты чего так с директором нахально разговаривал? – спросил я.

– А чего он не убрал калориферы? – возмутился Борщевский. – Как будто ему наплевать, что мы в акте напишем!

– Ну, убрал бы он их. Ты что, не указал бы на это в акте? – возразил ему я. – К тому же, только бы мы ушли, он тут же выставил бы их обратно. Ты представляешь, какой там дубак будет, если их убрать? Так-то по-человечески понятно, что

не хотят работники мерзнуть. Другое дело, что сгорят же однажды в пожаре...

— Может, указал... А, может, и не указал бы. — ответил Борщевский. — А так, он мне выбора не оставил.

Возвращался домой с двояким впечатлением от этого рейда. Вроде, и явный левак обнаружил, причём, очень солидный. Поскольку в шкафу с образцами в кабинете директора ничего, похожего на художественную литературу, не было, можно смело делать вывод, что типография активно левые тиражи печатает. Будет о чём доложить Сатчану и, в перспективе, потребовать себе «долю малую, можно книгами». А с другой стороны, мы обычно разыгрывали роль «зеленых студентов с ясными и такими наивными глазами» и никогда ещё не вступали в открытую конфронтацию с руководством проверяемых предприятий. И это вызывало у меня смутное беспокойство.

* * *

Кабинет директора типографии.

Василий Филиппович сидел за своим столом и, глубоко задумавшись, грыз баранку за баранкой, сильно нервничая при этом. Вот же, принесла нелёгкая этих комсомольцев.

Этот мелкий, что у них старший, копался в клише с таким видом, как будто на клад нарвался. Если внимательный и не дурак, то увидел он там очень много лишнего. Хорошо, если

он не понял, что увидел и укажет в акте только про обогреватели. А если нет? Нельзя рассчитывать на лучшее, нельзя... Надо подстраховаться! Если не предупредит, и все далеко зайдет, его не простят... Это он здесь директор и начальник, а те, кто сумасшедшие деньги через его типографию делают, плевать на табличку на его двери хотели. Не хочется проверять, «утонет ли он в ванне», или «прыгнет с крыши»... Жизнь хороша!

Директор пододвинул к себе телефонный аппарат и набрал по памяти хорошо знакомый номер.

– Алло, Анвар? Типография на проводе, – сказал Василий Филиппович в трубку устало. – У нас ЧП. Бумагу на нас нехорошую накатают после проверки. Нашел один из проверяющих левак... Откуда проверка? Комсомол резвится, но бумага, сам понимаешь, даже от них будет серьезно рассматриваться... Кто конкретно? Да мелкий пацан один, Кирилл Борщевский, в МГУ на экономическом факультете учится, руководитель группы Комсомольского прожектора... Нет, курс не знаю какой... Разберешься? Спасибо, дорогой!

* * *

Сразу после типографии, попрощавшись с товарищами, поехал к Сатчану. Даже без звонка, поскольку уже понял, что его редко не бывает на месте. Так зачем зря время тратить?

Хорошо приезжать перед самым окончанием трудового дня – никаких посетителей. И меня сразу же к Сатчану и пропустили.

– Что-то интересное по типографии нарыл? – сразу же сообразил второй секретарь, увидев меня без предварительной договоренности.

– Все верно, – кивнул я, – это не типография, а золотое дно. Официально они контурные карты да учебники клепают, а неофициально – всякие книги дефицитные. Жюль Верн, Ефремов... Даже сложно представить, какие там деньги каждый день зарабатываются. Если даже по двенадцать рублей, в четыре раза дороже, чем госцена, сбывать эти книги, с каждой будет навар рублей по восемь, с учетом сырья и платы за риск тем, кто сбывать будет. Если в день делать по тысяче неучтенных экземпляров и не останавливаться на выходные, то это по двести сорок тысяч рублей в месяц. А Москва – рынок огромный, его даже так не затоварить.

В возбуждении перешел на привычный сленг – вряд ли Сатчан понял, почему Москва рынок, и как его можно затоварить. Но его это и не волновало – давно общаемся, он привык к неожиданным словечкам от меня. Считает, наверное, что я много специальной литературы читаю, да иностранный язык учу, вот у меня незнакомые для него слова и вылезают. Да все его мысли сейчас другое занимало, вовсе не мои термины.

– Двести сорок тысяч в месяц? На книгах? – смешно вы-

пучил он глаза.

Я вспомнил, что книги ему, наверняка, покупать самому из-под полы не приходится. Зачем, ему и так бесплатно приносят все хорошие люди, что хотят с перспективным комсомольским кадром задружиться. Так что пришлось пояснить.

– В магазине многие дефицитные книги не купить, а с рук их продают дорого, вплоть до пятнадцати-двадцати рублей за особо редкие экземпляры, что сильно востребованы.

– Надо же! – удивился Сатчан.

Точно – не в курсе! Вот так партийные товарищи и высокопоставленные комсомолы и проспали проблему дефицита множества товаров для народа. А чего им переживать – у них же на базах все есть, вплоть до иностранной продукции. Приходи, да покупай по официальной цене. Они и представить не могут, как могут быть задраны цены на дефицитные товары для простого народа... Разве что про шубы Сатчан знает, да про легковые машины с квартирами – а по мелочи, как с теми же самыми книгами, он и не в курсе. А если его про гречку спросить, знает, что она в дефиците, интересно?

Но сегодня мы дефицит гречки обсуждать не стали. Сатчан выскочил из-за стола и возбужденно заходил по кабинету.

– Сотни тысяч рублей в месяц, значит... Вот тебе и типография! – сказал он с таким возмущением, что и не понять, если его не знать хорошо – он возмущен за государство, те-

ряющее деньги от неучтенной продукции, или тем фактом, что его группировка не крышует этот бизнес? Но я-то его знаю, так что у меня сомнений не было, явно не о социалистической собственности этот товарищ печется.

– Ну что же, будем разбираться! – сказал он решительно.

– Самедову в отчете докладывать про левак? – спросил я.

– Ни в коем случае! – замахал руками Сатчан так энергично, что по кабинету пошли потоки воздуха.

– Ну тогда еще один вопрос – раз будете под свой контроль брать эту типографию, то я тоже хочу окунуть свой клювик, – сказал я, – готов брать ежемесячно книгами. Скажем, по полсотни штук, и я предпочитаю не всякие разрозненные экземпляры, а собрания сочинений.

По лицу понял, что принципиальных возражений у него нет, но количество книг его несколько смутило. Сатчан спросил:

– Надеюсь, не будешь сам продавать из-под полы? Смотри, если милиция заметет, не факт, что успеем отбить!

– Нет, не собираюсь, – честно ответил я, – по крайней мере, пока не соберу сотен шесть экземпляров. Это необходимый минимум для культурного человека, чтобы на меня гости не смотрели, как на дикаря из джунглей, который только вчера с пальмы слез.

Сатчан хмыкнул, и я понял по его виду, что пора прощаться. Однозначно, он уже спешит поделиться полученной от меня информацией со своим шефом. Не удивлюсь, если

они тут же начнут разрабатывать планы по подчинению этой типографии. И вряд ли будут долго медлить с их реализацией...

Вернувшись вечером домой, застал жену что-то беззаботно напевающей на кухне.

– Привет! – радостно подлетела она ко мне. – А я блинчиков напекла. Мой руки и садись ужинать.

– У кого-то сегодня отличное настроение? – я задержал жену в объятьях, ласково целуя.

– Да. Сегодня день просто чудесный, – почти пропела Галия.

– Рассказывай, – быстро сполоснув руки, я сел за стол. Блинчики, сметана, варенье – о да!

– Мне зачет автоматом поставили, – Галия вся сияла, – представляешь, Аркадий Борисович сказал, что за активную работу в течение семестра и высокие текущие оценки поощрит нескольких студентов, поставив зачет автоматом. Поставили мне и еще двум парням из группы.

– Умница! Поздравляю! – похвалил я жену. – Это замечательная новость.

– Да. А еще я сегодня после занятий сходила и позвонила родителям, – начала рассказывать Галия. – Папа с мамой помирились, оказывается. Но пускать в Москву он ее больше не будет, как я его и просила. А еще папа рассказал, что ходил к той маминой гадалке и забрал у нее деньги, которые она от мамы брала. Целых 200 рублей. И он велел маме нам

их выслатъ. Сказал, что это компенсация...

— Ну и дела!

Во дает Загит. Это же как он ту ведунью припугнул, что она даже деньги отдала, лишь бы оставили в покое?.. Молодец, мужик.

— Я пока не знаю, что нам с этими деньгами делать, — продолжала щебетать жена. — Какие-то странные мысли про них. Положила в шкаф на полку, пусть полежат. Может придумаем что-нибудь стоящее.

Я кивнул. Конечно, придумаем. Кто бы мог подумать, что и от гадалки польза будет после всего того вреда, что она нанесла, натравив на меня тещу... Вот так и надо бороться с суевериями!

В пятницу после пар собрались с Проектором для доклада Самедову. Кирилл попросил меня подготовить основу, потом на перемене забежал к нам в группу и забрал у меня отчет со словами, что сам доработает.

В принципе, я осветил в докладе все нарушения, что мы заметили — и по условиям труда, и по пожарной безопасности. Но вот эта его суета меня насторожила — лишней работы Борщевский не любил, и, раз забрал доклад у меня, то явно что-то еще хочет тихонько добавить. Как бы он дров не наломал... Моя паранойя сделала стойку и начала мне активно нашептывать в уши всякое плохое о грядущем.

Только Самедов дал отмашку и предложил озвучить наши выводы по типографии, как Кирилл ракетой подскочил

с места.

– Товарищи! Наряду с нарушениями условий труда и пожарной безопасности, я смог обнаружить улики, которые явно свидетельствуют о том, что типография нелегально выпускает дефицитные книги! Я обнаружил множество клише от художественной литературы, и это при том, что официально типография не занимается ее выпуском.

Копать мою картошку!!! – я мысленно сделал фейс-палм. Как чувствовал же... Сатчан расстроится. Сильно расстроится!..

Глава 2

Москва

Самедов смотрел на Борщевского удивленно, но очень благожелательно. Это был звездный час Кирилла. Поганец, поди-ка, не зря за мной ходит и ко всему, что я делаю, присматривается! Чему-то уже от меня и научился! Когда только начинали с Прожектором по расследованиям ездить, так Борщевский очевидных косяков не замечал. А сейчас нашел, причем важное, да еще сам и без подсказки. Впору мне гордиться ученичком, но как же не вовремя этот его качественный скачок приключился.

Нехорошо получилось с Сатчаном – я ему обещал, что Самедов ничего не узнает про левые тиражи. С другой стороны – от меня и не узнал, а большего обещать я Сатчану и не мог.

Самедов внимательно выслушал все приведенные в нашем отчете факты, задал целую кучу уточняющих вопросов и по охране труда, и по левым тиражам, делая себе какие-то пометки в блокноте. Потом поблагодарил нас за прекрасно проделанную работу и пообещал, что зачеты мы за эти дни, как и договорились, получим автоматом, после чего поспешно выпроводил. Ох, знаю я, чем он будет сейчас заниматься! Такую дойную коровку он непременно захочет подмять под свою группировку. Вон как глаза сверкают...

Только вышли из кабинета, как Маша возмущенно подскочила к Кириллу:

– Я не поняла! Как работать, так вместе, а как что-то интересное нашел – так надо утаить информацию от группы и всю славу себе присвоить!

Ого! Характер-то прорезался! А такая раньше была тихая и скромная, что и не поверишь, что вот так может! Общение с Витькой на нее очень благотворно действует. Явно он ее учит интересы свои отстаивать.

Кирилл не поверил ушам и опешил. Тоже не ожидал от Маши выговора. Начал что-то неуверенно мекать в свое оправдание:

– Так я это... хотел сюрприз сделать...

Ему, конечно же, не поверили. Врать – это не его. Никто не покупает. Разошлись молча – Маша демонстративно отвернулась и пошла по коридору прочь, Светка и Леха тоже «сюрприз» от Кирилла не оценили, хмыкнув что-то. Ну а меня все эти детские разборки и не волновали – я поспешил к телефону на улицу.

– Проблема! – я описывал ситуацию Сатчану максимально спокойно и подробно. – Я в отчете отразил только факты по охране труда, как мы и договорились. Но, как оказалось, руководитель нашего Прожектора у меня уже успел многому научиться за время совместной работы – залез в клише и тоже нашел левак в типографии. При этом от всей нашей группы информацию утаил, так что я заранее не мог знать, что

он может ее в отчет включить. Молчал, как партизан, но на заседании Самедову все про подпольный выпуск литературы доложил. Тот был очень доволен. Видно, что заинтересовался. Так что имей в виду, будут конкуренты.

Сатчан выругался. Потом помолчал, а затем, вздохнув, сказал:

– Блин, я сразу подумал, что как-то слишком легко и просто удача в руки пришла! Но ладно – просто так ничего не бывает. За всё в этой жизни бороться надо.

– Это верно, – согласился я.

– Но ничего. Спасибо, что предупредил. Думаю, мы этих конкурентов отвадим.

А затем не выдержал и не удержался от нравоучений в мой адрес:

– А ты постарайся как-то не слишком многому, что сам знаешь, своих товарищей учить. Чтобы поменьше таких неожиданностей возникало. Тебе самому это не выгодно в будущем.

Мы уже практически распрощались, когда он вспомнил о самом для меня главном.

– Ой, чуть не забыл. Запиши телефончик, – Сатчан продиктовал мне контакты бригадира с телефонного узла и велел с ним связаться и договориться, когда я буду того ждать дома. – Обещали, пока ваш дом не подключен, кинуть воздушку с одного из соседних зданий. Но ты должен понимать, что не у каждого профессора в квартире есть телефон, –

строго напутствовал он меня. — Цени то, что я смог для тебя сделать.

— Я ценю! — не скрывая радости, ответил я. — И всё понимаю! Спасибо!

Сразу набрал этому бригадиру. Договорились, что буду ждать его в следующую среду после обеда. Сегодня уже поздно, рабочий день заканчивается. В выходные бригадир отдыхает, как вся страна. А в понедельник и вторник он, по его словам, занят.

— Что буду должен? — сразу спросил я, чтобы тот понял, что я не халявщик, хоть и блатной.

— У вас телефонный аппарат есть? — сразу сменил тон бригадир.

— Да, — ответил я. Не зря я тогда в Горном у завхоза затаился. Как чувствовал.

— Ну, тогда чирик, — охотно ответили мне на том конце. Ну, так бы сразу и сказал. А то не могу, занят...

— Договорились, — доброжелательно ответил я. — Так я жду вас в среду после трёх. Раньше не получится?

— Может во вторник?.. — вдруг предложил бригадир. — Если вырвусь пораньше.

— Увы, я не смогу быть дома пораньше во вторник, — расстроенно ответил я. У меня же лекция в «Дарах природы». — Давайте на среду уже, как и собирались изначально.

Дома меня ждал горячий ужин и довольная жена.

— Пётр потащил Инну на новую квартиру, — доложила

Галия. — Им сослуживцы помогают сегодня обоим поклеить. И сегодня же Пётр пригласил их сразу это дело отметить. Пива набрал две трёхлитровых банки, водки купил, колбасы какой-то. Картошки у нас отсыпали, там сварят.

— Ну а что? Правильно, — одобрил я. — Пусть уже Инна вливается в сообщество офицерского общежития.

— Я бы, конечно, ещё что-нибудь к столу приготовила... — виновато проговорила жена. — Но не успела. Пришла поздно.

— Милая, не переживай, они взрослые люди, — возразил я, чувствуя, что Галия испытывает чувство вины, что не прикрыла Инну. — Без нас разберутся.

Галия смотрела на меня не очень уверенно.

— Боюсь, что Инна может не справиться, — ответила жена с тревогой.

— Слушай, с чем не справится? Картошку не сварит? — отмахнулся я. — Ей там особо готовить не надо, только тарелки с вилками выставить. Да и жены других офицеров помогут. Они, как правило, очень дружные, проходят через такие огонь и воду, прыгая вслед за мужем из гарнизона в гарнизон, что понимают цену товарищеского плеча.

Возвращаясь сегодня вечером, обнаружил в почтовом ящике письмо от Мишки и после ужина с нетерпением вскрыл его. Мишка в письме тщательно перечислял все новости о наших общих друзьях и знакомых.

Славку призвали, — писал Мишка. — Проводы были скром-

ными по меркам нашего городка: никто ни с кем не подрался, не споили целую улицу. Служить он попал в нашу часть, недалеко от Святославля. Возит на служебном УАЗике командира части. Говорят, он часто бывает дома у Эммы. Но самому Мишке встретиться с ним в новом статусе солдата пока не удалось.

Порадовался за Славку. Как же всё удачно сложилось. Как раз, как я и планировал. Друг не просто служит рядом с родным городом, а ещё и часто дома появляется.

Продолжил читать. Мишка пишет, что слышал о том, что наша Юлька родила сына. Он ходил к ней поздравить, когда приезжал последний раз, но Юлькин дед сказал, что она сейчас живёт у родственников мужа, где-то на Ленина в сторону вокзала. Мишке некогда было её искать, надо было возвращаться в Брянск на учёбу. Он отправил Юльке из Брянска открытку с поздравлением на адрес матери.

Значит, Юлька стала мамой. Умилился так, как будто это моя собственная дочь родила. Так захотелось всех там увидеть. А что за родственники мужа на Ленина, я, кажется, догадываюсь. Не иначе Арист их с Игнатом у себя приютил. Ну а что? Правильно. Вероника замуж вышла и к Ивану переехала. Дед один остался. А Игнат, как с завода уволился, так его, наверняка, малосемейки лишили. Куда ему ещё, как не к одинокому деду, жену с ребёнком вести? И старому всё не так одиноко. Эх, на Новый год поедem в Святославль, надо будет обязательно их всех навестить. Надеюсь, Юлька с Иг-

натом ещё там будут, не уедут обратно к себе в Набережные Челны. Подарки нужны срочно, блин! Времени не так много осталось.

Я уже предвкушал эту встречу. Как вдруг дочитал до места, где Светка Герасимович передаёт мне привет. Они, оказывается, дружат с Мишкой. Он ей помогает всяко-разно по дому, который ей отец с братом снимают. Когда она уезжает к отцу на выходные, в доме остаётся Мишка и топит там печь. Он очень радуется таким моментам, отдыхает от своей общаги.

У меня появилась шальная мысль воспользоваться на новогодние праздники гостеприимством Светки и задержаться на день в Брянске. Встретиться всем, повидаться, пообщаться. Сел сразу писать письмо Мишке с таким предложением. Просил, если он не против, поговорить об этом со Светой предварительно. Я бы и сам ей написал, но боюсь поставить её в неудобное положение: вдруг она не захочет, а отказать будет неудобно. Хотя, – писал я, – уверен, что вам обоим эта идея понравится. И может вы заодно продумаете сразу программу досуга? Я же буду с молодой женой, её развлекать надо. И нарисовал смешную рожицу в конце строки. Пусть привыкают к смайликам.

Написал ещё одно письмо Юльке с поздравлениями. Выслал на адрес матери, так как не знал точно номер дома Ариста. Надо будет, кстати, узнать, а то ни написать, ни поздравить старого.

Хорошо, что запас конвертов в доме имеется, и почтовый ящик рядом с домом. Признаться, я уже втянулся. Немного новости запаздывают, конечно, на неделю-две. Но это ерунда. Держать письма в руках приятно. Ощущение, что они живые, часть энергии автора в себе несут. И писать письма в ответ интересно. Как будто общаешься с человеком мысленно, а вдогонку письменную расшифровку своих мыслей отправляешь в виде письма. Необычные ощущения...

Раз уж вышел на улицу, прошел и к телефонной будке. Вспомнил, что планировал помочь Фирдаусу, если нужно, ускорить процедуру в ЗАГСе. А то не дай бог, передумает по поводу Дианы. Совесть, конечно, немного мучила, но, с другой стороны, Ливану все равно терять нечего, там любому гражданская война через четыре года будет. Правда, возможно, что из-за переезда туда Дианы и пораньше все может рвануть... Ну а если серьезно – моя задача мне понятна. Нужно будет капать на мозг молодому все эти годы до войны, чтобы он вовремя с женой из страны сбежал. Парень из богатой семьи, перевезет Диану в какой-нибудь Париж или Лондон, и все у нее будет хорошо.

Фирдаус не сразу понял, кто звонит, но когда узнал, обрадовался:

– О, Паша! Молодец! Рад слышать!

Я даже немного насторожился такому теплему приему, пока не вспомнил, что люди на Ближнем Востоке энергичные и дружелюбные. Он меня уже за родственника считает,

вот так и ведет себя.

– Хотел узнать у тебя, на какую дату у вас регистрация в ЗАГСе назначена с Дианой?

– О, все плохо, брат! – расстроенно сказал Фирдаус, – не хотят регистрировать в ближайшие числа, понимаешь!? Январь предлагают, чтобы заявление подать. Зачем мне январь? А расписаться, говорят, в марте только. А я хотел уже в конце января, после сессии к родителям молодую жену привезти. И как?

– Могу попытаться помочь ускорить все эти дела, – предложил будущему родственнику, как и планировал, – брат!

Фирдаус выражал свой восторг больше минуты, я уже замерз и начал притаптывать легкими туфлями на снегу. Вот же как бывает – думаешь, что на пару минут выскочил, легко одеваешься, а нарываешься на восточную экспрессию и влипаешь надолго. И не скомкать же разговор, еще обидится...

В конце концов, после тысячи благодарностей, договорились, что я уточню и перезвоню ему на днях с результатом.

Возвращаясь домой, у лифта столкнулся с Анной Аркадьевной, что главбухом работает на мебельной фабрике.

– О, Павел! – воскликнула она. – Ты откуда в одном свитере?

– Письма ходил в ящик бросить, – приветливо улыбаясь, ответил я.

– Ну что, когда за диваном? – заговорщицким шепотом

спросила она.

Вот он, мой звёздный час противодействия Инниной вредоносной пропаганде против меня среди соседей. Галия начала, а я продолжу.

– Уже скоро, думаю. Зятю квартиру дали служебную. Помогал ему ремонт небольшой там сделать. Сегодня они с сослуживцами последние штрихи добавляют, обои клеят. В воскресенье переезжать планируют.

В этот момент очень удачно приехал на первый этаж лифт, и из него вышел Марк Евгеньевич с пятого этажа, которого мы избрали старшим по подъезду. Он остановился пожать мне руку.

– Ой, какой же у Инны Тарасовны муж молодец, – воскликнула Анна Аркадьевна. – В такой короткий срок квартиру семье выбил. Многие годами ждут.

– Это точно, – подтвердил я. – Молодец. И всё сам. – похвалил я Петра, и мы с соседкой зашли в лифт.

Жариковы вернулись поздно, мы уже спать легли. Вышел к ним предупредить, что завтра мы с женой уедем в деревню, но вечером вернёмся, поможем с переездом. Пётр был крепко поддат, а Инна чернее тучи.

Когда она скрылась в комнате, поманил Петра на кухню.

– Что у вас там случилось? – поинтересовался я.

– Да... Жёны моих парней натащили еды всякой к нашему столу. Инна решила, что они специально, хотят ей показать, что она никудышная хозяйка.

– Ну, начинается... – удивился я. – Прямо, классический невротик: придумывает словам и поступкам других людей смысл, о котором те даже и не помышляли. Будем надеяться, что это из-за беременности.

– Ай... – беззаботно махнул рукой Пётр. – Пройдёт.

Оптимистичное умозаключение, конечно. Надеюсь, что он прав, и сестричке хватит ума не ссориться с соседками из-за фигни.

– Мы завтра в деревню. Пса я сам выгуляю и с утра, и вечером, – предупредил я зятя.

В субботу выехали пораньше с женой, надо уже с дровами закончить. А то в прошлый раз только половину сделал. Были опасения, что бабули могут не выдержать и сами втихаря колоть начать. В их возрасте это не полезно совсем.

Пока ехали в автобусе, думал про своего пса. Сегодня вышел утром с ним ненадолго, обиженный Тузик не хотел домой возвращаться, упирался перед подъездом. Жаль, что машины нет. Ездили бы всем большим семейством в деревню. Можно даже Мурчелло с собой брать.

Мне, меньше чем через месяц, будет семнадцать. Скоро уже надо майору Круглову звонить насчёт курсов в ДОСА-АФ. Но права, всё равно, только через год дадут. Даже если придумаю, как раздобыть машину, что с ней делать еще год? Но тут мне пришла в голову мысль.

– Радость моя, – обратился я к жене, мирно дремавшей, прислонившись головой к окну автобуса, – а не хочешь ли

ты выучиться на водительские права?

Галия тут же проснулась.

– Ты серьёзно?! – в глазах её восторг сменялся сомнением и обратно.

– Ну конечно. Пойдём после Нового года с тобой вместе на курсы.

– А-аааа... – Галия от радости не смогла найти слов, только молча чмокнула меня в нос.

– Это значит «да»? – рассмеялся я, а жена энергично закивала головой. – Вот и отлично.

Водитель у меня есть. Осталось найти машину. А вот с этим не так всё просто. Учить жену ездить на убитой тачке с механической коробкой передач – так себе идея. Нужна новая машина. И где её взять? В официальной очереди стоять не вариант. Кто и с какого перепугу нас туда поставит? Значит, покупать с рук. Втридорога... А у нас и так выплата за квартиру. Мне срочно нужен план.

Приехали в деревню. Подарил бабушкам колбасу из «Даров природы», да и спросил, пока не забыл, какие у них планы на Новый год? Объяснил, что мы планируем в Святославль ехать праздновать, предложил им присоединиться к нам.

Бабушки переглянулись, а потом Никифоровна сказала:

– Нет, Паша, мы уж лучше тут останемся. Договорились уже с соседями, да и вливаться надо в деревню. А вы нам своих кота и собаку скинете на время поездки, чтобы мебель

в квартире не перепортили, пока ждать будут!

Ну что же, тоже важный вопрос. Оставлять вдвоем этих монстров на несколько дней, даже договорившись с соседкой, что будет заходить и кормить их, и в самом деле плохой вариант.

Целый день рубил, таскал и укладывал поленья с небольшим перерывом на обед и кратковременный отдых. Всё думал, где взять машину или денег на машину, но толковая идея в голову не приходила. Решил оставить пока эту тему. Пусть покрутится в мозгу, поблуждает среди извилин. Может что путное и наклюнется. Утро вечера мудренее.

Уже в конце дня стал свидетелем скандала между соседками. Старшая Михайлова, соседка слева, что на наш дом в свое время мылилась, поскандалила с Ольгой, соседкой справа, и её дочкой. Они так орали, что вышел из дома Трофим и шуганул их всех, причем сильно не стесняясь в выражениях. Похоже, что это не первая часть разборки. Что-то мы пропустили. Давно такого в деревне не было.

– Что у вас тут за склоки? – спросил потом бабушку.

– Ой, Паш, нарочно не придумаешь! – хохотнула бабуля. – В деревню же вечно вещи из города передают. Что в городе негоже, то на селе ещё очень даже поносят. А тут Ксюха Михайлова попросила дочку Олину взять в город туфли свои рабочие, набойки сделать, денег дала пятьдесят копеек. Та сделала и брата попросила в деревню отвезти, когда тот к родителям собрался, записку положила, что это Ксюхе

Михайловой. Брат в сумку заглянул, на записку внимания не обратил, решил, что сестра матери туфли свои старые отдаёт. А они совсем старые были. Говорит, мне стыдно стало такие туфли матери везти, я их и выбросил.

– О! – сказал я, уже прекрасно понимая, что произошло дальше.

– Вот Михайловы теперь и орут. Им и пятьдесят копеек уже отдали. И трояк за эти туфли предлагали. А им трояк не надо, им любимые туфли подавай!

Бабушка с Никифоровной рассмеялись.

– Представляешь, Паш, вторая неделя пошла, как они те туфли старые поминают! Скандалят все время.

– И правда, нарочно не придумаешь! – рассмеялся я. – Главное, брат виноват, а достаётся сестре и матери.

– Он появляться здесь теперь боится. – с хохотом ответила бабушка.

– Весело вы тут живёте, – рассмеялся я вместе с ними.

Глава 3

Москва

Из деревни вечером возвращался домой вымотанный, но с чувством глубокого морального удовлетворения. Вроде все, что могли, мы бабушкам помогли сделать. На душе спокойней будет. Да и порадовало, что они на Новый год решили там остаться. Значит обжились уже, влились в новый круг общения. По Святославилю особо и не скучают обе.

Дома погулял с Тузиком, постаравшись на этот раз побегать с ним подольше. Жалко пса. Молодой, ему выбегаться нужно. Хоть и валился с ног от усталости, но мужественно мчался по району и палочку кидал по первому требованию, пока песель не нагулялся. Легли с Галией спать практически не ужиная. У бабушек накормили, да и сил не было после целого дня работ на свежем воздухе. А у Жариковых за стеной какая-то возня допоздна продолжалась, стук, разговоры. Собираются, – удовлетворённо думал я, засыпая.

С утра пораньше все были уже на ногах. Машина за вещами должна была вот-вот прийти. Подъехали сослуживцы Петра помогать таскать вещи. Девчонки освобождали Жариковский холодильник. Нас вчера не было дома весь день, а Инна забыла разморозить холодильник, блин. Так и повежут со снегом и льдом, у себя уже разморозят.

– Ты смотри разморозь его полностью, а потом помой

и протри насухо, – учила Галия Инну. – Просто так полумороженный обратно в розетку не включай. Испортиться может.

Судя по удивленному выражению лица сестры, предупреждение это оказалось совсем не лишним.

Предложил мужикам кофе попить, пока машину ждём. Набодяжили себе напитка, сели на кухне болтать. Не прошло и пятнадцати минут, как со двора требовательно посигналили. Выглянул в окно, так и есть: во двор заезжал небольшой грузовичок с открытым кузовом.

– Кажется, это к нам, – сообщил я присутствующим, и народ, побросав недопитые чашки, вскочил и засобирался.

Каждый по многу раз входил и выходил на улицу, таская какие-то ящики и тюки. Естественно, никто не тратил время, чтобы разуваться. Пол в коридоре и большой комнате очень скоро покрылся грязью и слякотью. Положенные заранее на пол газеты быстро промокли и порвались, больше добавив беспорядка, чем защитив пол. Галия поначалу пыталась улучшить минутку и что-то протереть, но потом бросила это дело.

– Потерпи, малыш, – шепнул я жене, проходя в комнату и видя, с какой тоской она смотрит на грязь у нас в квартире. – Пока все не погрузили, дергаться бессмысленно, сама видишь.

Галия кивнула, вздохнув.

Зайдя в комнату, схватился за очередную коробку, но Ин-

на остановила меня.

– Это оставь, – заявила сестра. – Поставь вон туда, – она показала в дальний угол. Там уже стояло несколько коробок и тюков, сложенных друг на друга. – Это остается.

– В смысле, остаётся? – опешил я. – Почему? Зачем?

– Ну, зачем мы будем таскать всё за собой? – с невинным видом сказала Инна. – Вот получим собственную квартиру, тогда и заберём.

– Инна! Ты чего? – я старался говорить спокойно и вежливо. – Вы уже получили квартиру! Вы переезжаете! Со всеми своими вещами.

Тут в комнату вошёл Пётр с одним из сослуживцев. Видимо, слышали часть разговора.

– Что такое опять? – вопросительно посмотрел Петр на жену. – Что с вещами?

– Зачем нам всё тащить туда? – раздраженно спросила Инна. – Всё равно потом на другую квартиру переезжать. Снова паковать все.

– А если мы через год только переедем? – возразил ей Пётр. – А если через два? Ты как без вещей собираешься хозяйством заниматься? Где посуду возьмешь? Постельное белье? Полотенца? Как детей растить, не имея необходимого?

– Да разберемся. – Инна уперла руки в бока. – Нам не так много вещей и надо.

– Точно. – Петр тоже начал злиться, устав уже от постоянных взбрыков жены. – Спать будем на голой софе, без про-

стыней и подушек. А вместо одеял шторы используем... – с сарказмом сказал он. – Инна, хватит, пожалуйста, этой чуши. У нас не так много вещей. Когда из Перми уезжали, ты вообще говорила, что половины нужного в хозяйстве нет. Откуда сейчас эта странная идея появилась? Берем все. Носиться потом туда-сюда и таскать оставшееся на себе после работы я не собираюсь.

Инна, выслушав мужа, резко развернулась и вышла из комнаты. Ожидала, похоже, что муж за ней пойдет уговаривать. Но Петр не повел и бровью, быстро организовал освобождение квартиры от вещей. В конце еще сам прошел по всем комнатам и проконтролировал, чтобы ничего в каком-нибудь углу не осталось. Всё до единой коробки было вынесено. Молодец. Уж не знаю, какой у него мотив был, то ли вещи забрать все до одной, как он жене сказал, то ли понял, что я категорически не рад идее захламлять свою квартиру, главное – нужный мне результат.

Мужики загрузили машину, и она уехала в сопровождении Петра. Служивцы поехали вдогонку своим ходом. Надо же ещё разгрузить и вещи в новую хату перетаскать.

А Инна осталась зачем-то, решив ехать позже. Не совсем понял, чего она ждет, пошел искать сестру по комнатам, чтобы поговорить. Мне ее состояние категорически не нравилось. Я надеялся, что ей понравится хозяйничать в собственной квартире, и энтузиазма сегодня будет побольше. Но пока все получалось наоборот.

На кухне и в большой комнате сестры не было. Заглянул в нашу с женой спальню. Там Галия успокаивала рыдающую Инну.

– И чего мы ревём? – настороженно спросил я, заходя в комнату. – Инна, да в чём дело, можешь объяснить? Что такое? Почему ты так реагируешь на такое радостное событие, как получение служебного жилья?

– Ты не понимаешь! – вскинулась сестра. – Как жить с чужими людьми?! Опять начнут меня от веревок бельевых гонять и ругаться!..

Приплыли!..

Все стало на свои места. На общую капризность наложились еще и страхи из прошлого жизненного опыта. Это плохо. Так она рискует себе врагов нажить на новом месте просто потому, что будет заранее о них гадости думать и вести себя соответственно.

– О, ёперный театр! – воскликнул я. – Инна. Тебе, конечно, досталось в Перми от этих соседок. Я сам тогда умудрился с ними чутка схлестнуться. Но пойми одну простую вещь. Там ты жила на квартире в обычном доме, по соседству с обычными, довольно сварливыми и вредными скучающими тетками. Для таких молодая неопытная мама – отличная мишень. Всегда есть, к чему придраться и о чем посудачить. Но офицерское общежитие – это совсем другое! Офицерские жёны – это, наоборот, братство! Ну или сестринство, учитывая пол. Один за всех и все за одного! Они

и в обиду тебя не дадут и в любой трудной ситуации поддержат. В среде военных так принято. У них выхода другого нет, кроме как объединяться в одну большую семью. Иначе бы они не выжили вдали от своих родных, в далёких гарнизонах, иногда без элементарных бытовых удобств. Вот, если бы ты раньше жила с мужем в гарнизоне, как все, а не по съёмным квартирам, ты бы это знала. И не придумывала бы себе всякую ерунду.

Инна постепенно успокаивалась, слушая меня. Но продолжала шмыгать носом и смотреть на меня зло. Умная же, зараза, всё она, похоже, понимает, но манипулировать нами пытается. Если не остаться в квартире, так хотя бы настроение всем попортить и чувство вины вызвать перед отъездом. Что за характер...

– И не смотри на меня так, – улыбаясь, ответил я. – Я тебя за офицера замуж не гнал, угрожая пистолетом. Сама такую жизнь себе выбрала. Так что, кругом марш! Тебя муж дома ждет.

– Дурак! – заявила Инна.

– Давай, сестрёнка, собирайся. Петру неудобно будет перед сослуживцами, что ты участия не принимаешь в таком важном мероприятии. – так же улыбаясь, ответил ей я, не ведясь на провокацию. – Скоро у нас появится телефон, в любое время дня и ночи позвонишь в случае чего, я приеду и помогу, чем смогу.

– И я приеду, – поддакнула мне жена.

Инна вздохнула обречённо, встала, вышла из комнаты и начала одеваться.

– У нас что, правда телефон будет? – подскочила ко мне Галия, осознав, что я сказал перед этим.

– Будет, счастье мое, – ещё больше расплываясь в улыбке от ее восторга, ответил я. – В среду.

– Ура-аа!!!! – завизжала на всю квартиру Галия и бросилась мне на шею.

К нам в комнату тут же заглянула настороженная Инна.

– Вот, сестра, видишь, как должна реагировать жена на любые достижения мужа? – ухмыляясь, ответил я на её немой вопрос. Небось, опять напридумывала себе, что мы так рады её отъезду, что аж визжим.

Мы с Галией, посоветовавшись, быстро собрались и поехали вместе с Инной в Мытищи. Вдруг помощь нужна. Дела надо до конца доводить. В общаге бурлила всеобщая деятельность. Казалось, на этаже субботник. Мужчины уже перетаскали весь скарб Жариковых, а женщины домывали лестницу и коридор.

– Осторожно! Пол скользкий! – воскликнула одна из них, когда мы поднялись на этаж. – С новосельем! – улыбаясь, приветствовала она Инну.

Сестра заставила себя улыбнуться всем и кивнула головой благодарно. Недаром ей лекцию прочёл про офицерских жён, похоже, пошла впрок.

Мы даже заходить с Галией к Жариковым не стали. В ком-

нате было полно народу. Похоже, опять намечался сабантуй. Под ногами крутились радостные ребятишки. Мимо нас по коридору пронёсся шкет на трёхколёсном велосипеде, умудрившийся нехило так разогнаться. Судя по сбитой штукатурке в ряде мест по углам, тормозить пока не всегда успевает.

– Можно было не приезжать, – шепнул я жене. – Пётр, Инна! За нами подарок на новоселье! – крикнул я Жариковым от порога и помахал рукой.

Тут же к нам подошёл зять и протянул руку. За ним подошла и Инна.

– Помощь нужна от нас? – спросил я Петра.

– Да вроде нет. – пожал тот плечами. – Сам видишь, помощников полно.

– О, Пашка! – подскочил ко мне Дмитрий, с которым мы стены в ванной красили. – Молодец, что зашел. Помогли стол притащить из моей комнаты.

В итоге задержались мы с Галией в общежитии почти на час. Помогли по мелочи с подготовкой к празднованию новоселья, выпили символически первый тост, и только потом получилось сбежать, сославшись на учебу.

Приехав домой, мы с Галией, первым делом, подхватились мыть полы в большой комнате, в коридоре, на кухне. Жена сначала пыталась прогнать меня, играя в «я сама»», но потом сдалась. Нечего все на себя взваливать. Я не сахарный, не растаю, если пол протру. Да и нечестно это как-то.

Никогда не понимал такого подхода. Что это за отношения, когда помогать родным ездили вместе, работали там оба, а, придя домой, муж отдыхать и ужин ждать садится, а у супруги второй трудовой день начинается. И хоть понимаю, что Галия к такому привыкла и с ее точки зрения, это норма, но моя совесть категорически возражает, а житейский опыт подсказывает, что такое отношение все равно в будущем аукнется. Накопится раздражение и усталость и будешь потом недоумевать, куда любовь пропала. Все же было так хорошо... Поэтому тряпку в руки и вперед, вдвоем в два раза быстрее сделаем, как дед мой говорил.

Вскоре мы с Галией сидели на кухне за столом, напротив друг друга, с чашками чая в руках и поглядывали друг на друга.

– Такое странное ощущение, – проронила жена. – В квартире так тихо. И понимаю, что кроме нас и кота с собакой здесь никого нет, но все еще не верится.

– Сам еще до конца не осознал, – я согласно кивнул. – Все время жду, что сейчас звонок раздастся или стук в дверь.

– Я, наверное, долго еще привыкнуть не смогу, – Галия неуверенно повела плечами. – Аж не по себе.

– Так. Отставить панику и сомнения. У нас праздник. Мы, наконец, не только квартиру получили, но и точно долго будем в ней одни жить, без соседей, – улыбнулся я. – И я точно знаю, как заставить тебя быстро поверить, что мы здесь одни.

Галия посмотрела на меня вопросительно, но, когда я на-

чал стягивать рубашку, вмиг переменялась в лице...

После выходных идти в университет всегда как-то психологически полегче, чем в середине недели. Насвистывая, я легкой походкой поднимался к главному входу, как вдруг из-за огромного дерева вышел Кирилл Борщевский. Насколько он был радостный и цветущий в пятницу на докладе у Самедова, настолько сейчас он выглядел несчастным и перепуганным. Весь какой-то дерганый, озирается по сторонам все время. А потом я еще и синяк у него на скуле разглядел... Так, и что с ним произошло?

– Привет, – поздоровался я с Кириллом спокойно. – Насыщенные выходные? – кивнул на его лицо.

Борщевский скривился и вяло отмахнулся. В обычной ситуации я пошел бы по своим делам. Но сейчас моя чуйка просто верещала, что здесь замешана типография. Уж очень вид у Кирилла был затравленный.

Оставался на месте, пытаюсь понять, как правильно сформулировать вопрос, но Борщевский заговорил первым, не дав мне и рта раскрыть:

– Паша, тебя можно попросить о помощи? Ты же умный, можешь дать мне толковый совет?

– Спрашивай! – кивнул я.

– Я влип в серьезные проблемы, – торопливо затараторил он, – я так понял, что в типографии как-то узнали, что именно я разведал про эти клише с названиями художественных книг. Вчера меня прямо возле дома поймали три смуглых

мужика и били, требуя, чтобы информация про эти клише была изъята из всех отчетов и никуда не просочилась. Обещали убить, если у типографии будут хоть какие-то проблемы.

– Смутные говоришь? Молдаване, грузины, азербайджанцы, армяне?

– Вряд ли молдаване – у них такой акцент и носы специфические, с Кавказа они точно. Откуда именно, я не скажу, не понял. Но, что мне делать теперь? Они запретили мне говорить кому-либо, что били меня и угрожали убить. А если я пойду к Самедову и не объясню, почему хочу убрать эту информацию из отчета, он же не станет этого делать, верно?

В глазах Кирилла стояли слезы, голос дрожал. К такому его жизнь явно не готовила...

– Верно, не станет, – согласился я с ним, – помолчи пока, я подумаю немного.

Начал шустро соображать, как его выручать. Что надо помочь, сомнений не было. Настоящими товарищами мы с ним никогда не станем, это верно – уж слишком скользкий этот парень. Он вообще не знает, что такое настоящие товарищеские отношения. Даже помогу ему сейчас – он через пару лет уже об этом забудет, и с просьбой к нему никакой уже не обратишься. Увильнет, знаю я таких, известный мне типаж. Но все равно это не основание его бросать без помощи...

Я лихорадочно просчитывал варианты. Нашли Кирилла

быстро и напали целенаправленно только на него, значит его в типографии кто-то с этими клише увидел. Судя по тому, что сразу перешли к насилию, не пытаясь вести переговоры, «крыша» у типографии явно криминальная. И это делает ситуацию очень серьезной. Деньги большие. Очень. Чтобы такие защитить, эти ребятки и убить могут. Вспомнил сразу Васю-негра, как тому прилетело за то, что лишнее увидел и не тем людям на глаза попался.

Первая мысль – обратиться к тому же генералу МВД через однокурсника. Схема рабочая, опробована уже. Но тут же решил, что нельзя. Могу случайно подставить Сатчана, который уже наверняка какие-то шаги вокруг типографии предпринял. Начнет милиция по приказу генерала пасти нынешнюю крышу типографии, может и новую заодно заковать в наручники. Нам такой поворот совсем ни к чему.

Идти к Самедову? Думаю, на это Кирилл и надеется – что я расскажу Самедову про его проблемы, не он сам, и этим можно будет отбрехаться от бандитов, если они снова к нему наведаются. С него станется, правда, и попытаться на меня внимание бандитов перекинуть – мол, это вообще не я все затеял, а Пашка! Хотите, расскажу, где он живет?

Так что нет – к Самедову тоже нельзя. Тем более, я понятия не имею, что у него за группировка, и насколько она сильна. То, что Сатчан уверен, что сможет отвадить их от типографии, может означать, что зубы у них мелковаты, чтобы помочь Кириллу с его проблемами.

Остается одно – Сатчан. В его интересах помочь с проблемами от старой крыши типографии, раз он собирается стать ее новой крышей. Он хотел «бороться за типографию и отвадить конкурентов», вот пусть и занимается со всем рвением. Надо этим ребятам типографическим такие проблемы создать, чтобы им не до Кирилла стало резко.

– Значит, так. Поступим следующим образом, – тихо сказал я Кириллу. – Сейчас идешь на занятия. Ведешь себя, как обычно. Вида не показываешь, что что-то не так. Никому ничего про происшествие на выходных не говоришь. Про синяк скажи, что об дверь стукнулся. С занятий напросись к кому-нибудь в общежитие пожить, скажи, что дома сильные проблемы, найдут тебе сокурсники пустую койку. В общежитии сами студенты плутают, чужие бандиты там тебя точно не найдут. С общежития тоже только в компании на учебу иди. Когда станет безопасно, я тебе скажу. Да, и напиши мне на бумаге свой домашний адрес.

Кирилл лихорадочно кивал головой, слушая меня.

– А я пойду позвоню знакомому. У него связи хорошие и опыт, посоветует, что делать, а может и сам сможет этих кавказцев прижать.

Кирилл очень обрадовался. Начал меня благодарить, да с таким жаром, словно я уже все его проблемы решил. Похлопал его по плечу, и отправил на занятия, а сам пошел к телефонной будке. Придется немного опоздать на первую пару...

Набрал Сатчана, тот был на месте.

— Есть проблемы. Одного из наших, Кирилла Борщевско-го, прессуют трое кавказцев. Судя по всему, из тех, что му-тили темные дела в этой типографии.

— Кавказцы? — возмутился Сатчан, — а чего они у нас в Москве забыли? К ним же в их краях попробуй только влезть в какое дело, ни одного шанса, тут же задавят! Ну, спасибо, что сообщил, есть кому ими заняться. Где они себя так проявили, говоришь?

Продиктовал Сатчану домашний адрес Кирилла. Все верно, наверняка бандиты будут пасти Кирилла у его дома. Там те, кого направит Сатчан, их и возьмут. Даже стало любопытно, кого именно Сатчан на них натравит. Пропустить, что ли, занятия, да расположиться рядом на каком-нибудь чердаке, чтобы посмотреть, как все это будет происходить?

Затем решил, что такой дух авантюризма мне ни к чему. Зима, замерзну я там на улице. Или кто-нибудь заметит меня там на чердаке, из местных, да вызовет милицию, решив, что я белье, которое вывесили сушиться, украсть хочу. И как мне объяснить наряду, что я делаю на чердаке вместо посещений лекций? Не говоря уже о том, что этот наряд может спугнуть бандитов, что пасут Кирилла и затруднить людям Сатчана операцию по их поимке.

К тому же жизненный опыт подсказывал мне, что не так далек тот день, когда я узнаю про группировку Сатчана на-много больше, чем сейчас, от него же. Сотрудничаем мы

очень продуктивно, доверия между нами все больше и больше. Как и компромата – у меня на него, а у него – на меня. Это сближает...

Глава 4

Москва

На парах просто извертелся весь, не находил себе места. Слишком сильно все закрутилось, много нюансов учесть надо. А информации при этом не хватает катастрофически. Маловато я пока знаю про возможности и методы Сатчановской группировки. А тут еще и Самедов своим информацией тоже явно предоставил и действовать они начнут, скорее всего, тоже быстро. Как там все повернется. Надо, все же, после пар к Сатчану лично съездить, обо всем еще раз переговорить подробнее. Может удастся разузнать больше о том, как он собирается так уверенно с криминалитетом разбираться. Да и заодно поднять тему с ЗАГСом для Дианы. По телефону показалось неуместно обсуждать вместе с темой Кирилла...

В столовой на большой перемене удалось немного отвлечься. Для народа в университете сейчас были актуальны две темы: сессия и Новый год. По первому пункту самыми важными вопросами были даты экзаменов и последовательность предметов, которые предстояло сдавать. Иногородных среди студентов было довольно много, некоторые переживали, смогут ли домой на Новый год попасть. По второму вопросу все разделились на два лагеря: тех, кто оставался в общежитии на праздники, и тех, кто ехал праздновать домой. Ес-

ли первые в основном обсуждали программу мероприятий и у кого в комнате праздновать, то вторые прикидывали, что и кому дарить. В целом в столовой царило ощущение приятной суматохи и предвкушения.

– Первый экзамен у нас будет третьего! – громогласно объявил Женька Булатов, зайдя в столовую.

Не самый лучший вариант, – я немного расстроился. Была надежда, что поставят экзамены числа с пятого, но увы. Среди моих сокурсников пробежались шепотки и вздохи разочарования. Не один я имел виды на праздники, похоже. Придется сильно постараться, чтоб домой попасть без ущерба для сессии.

– Ты домой поедешь на Новый год? – спросил Леху, грустно ковыряющегося в тарелке.

Лехино состояние меня откровенно тревожило. Парень сильно захандрил. После того, как Диана дала ему от ворот поворот, мой товарищ вошел в пике и все никак не мог из него выйти, все больше погружаясь в мрачную меланхолию. Не помогала ни учеба, ни прожекторская движуха, ни общажные развлечения.

– Да нет. Буду в общежитии к экзаменам готовиться, – равнодушно произнес Леха. – Мои к родне в Красноярск летят. Это далеко. Я не успею до экзаменов вернуться. Поэтому буду встречать Новый 1972 год в гордом одиночестве, – с меланхоличным пафосом закончил он.

– А давай с нами? – вдруг возникла у меня мысль. – Мы,

конечно, галопом там будем по всем друзьям и родне скакать. Но зато весело будет. Да и ты развлечешься, город мой родной посмотришь, с друзьями познакомлю.

– Да ну, – Леха попытался соскочить, – я там не знаю ничего, буду только мешаться. Не хочу.

– Меня знаешь, Галию знаешь, уже не один, – не собирался сдаваться я. – С остальными познакомлю. Друзья у меня отличные. Учебники с собой возьмем, – тут же добавил я, поняв по выражению лица друга, какая отговорка сейчас последует. – Учить вместе намного эффективнее. Соглашайся! Чего одному сидеть? Друзья не должны бросать друзей в такой ситуации!

Леха неуверенно пожал плечами, потом все же кивнул. Было явно видно, что рассчитывает все равно позже отказаться. Э нет, дорогой! Не в мою смену! Билеты возьму, поручениями загружу, никуда не денешься, на вокзале вовремя будешь.

После обеда Витька и Маша тормознули меня.

– Что вы с женой в пятницу вечером делаете? – вдруг спросил Витя.

Взглянув мельком на Машу, заметил, что та еле сдерживается от нетерпения перебить его и самой мне всё выложить. По её радостному виду понял, что предложить они хотят что-то приятное. Может опять какую-то поездку? Ну, я за любой движ...

– Есть планы, но ничего неотложного. Можно перене-

сти, — ответил я.

— Тогда мы с Машей приглашаем вас в театр, — торжественно произнёс Витька.

Фу ты, ну ты... Театр. Хотя, почему нет. Надо же приобрести к прекрасному и Галию выгуляю. А то ничего не видит мое сокровище, кроме института, работы и кухни. С восторгом небось новость воспримет...

— С удовольствием, — ответил я.

— Отлично, — ответил Витька, а Маша подпрыгнула несколько раз, хлопая в ладоши. — Тогда приходите вечером в пятницу в половине седьмого к главному входу Большого театра.

— Ничего себе! Спасибо! Обязательно придём, — ошарашенно пообещал я.

Маша с нами попрощалась, и мы все поспешили на очередную пару.

Большой? Вот это да! Очень любопытно.

— Что смотреть-то будем, балет? — поинтересовался я у друга.

— Вроде бы. — пожал плечами Витька. — А что?

— Ну, я ещё тот театрал, — признался я. — Как по мне, так балет лучше оперы.

— По мне тоже, — рассмеялся он в ответ.

После пар, перед тем, как идти к Сатчану, решил заскочить к замдекана. Доклад на конференцию готов, лежит в портфеле красиво отпечатанный. Чего тянуть резину? Сра-

зу отдам, покажу серьезность своих намерений и пунктуальность.

Повезло, Эмма Эдуардовна была на месте. Правда, как обычно, вся в делах. На меня взглянула даже с некоторым раздражением, когда в ее дверях возник, как на обычную помеху своим делам, но спустя мгновение увидел во взгляде узнавание, а потом она слегка расслабилась:

– А, Павел, давай, заходи! С чем пришел? – поприветствовала она меня.

– Да вот принес доклад на конференцию, – сказал я, доставая тонкую бумажную папку, в которую сложил доклад, из портфеля.

– Оставляй, гляну, как освобожусь. А как у тебя с почерком, смогу прочитать? – опасливо спросила Эмма Эдуардовна.

Ну да, при всех стараниях советской школы выработать у учеников идеальный почерк с младших классов, сбоев достаточно много. К примеру, на мне вот точно. Ясно, что опыт у замдекана большой по разбору каракуль.

– Обижаете, Эмма Эдуардовна, все отпечатано на машинке, – сказал я, протягивая ей папочку.

– Ну, раз на машинке, то прямо сейчас гляну, конечно, так намного быстрее. Но зря, конечно, ты в такие расходы вошел – ты же студент первого курса, будь готов к тому, что очень многое придется изменить после моих замечаний. Ты же не возражаешь, если я возьму на себя обязанности

твоего научного руководителя?

– Нисколько не возражаю, Эмма Эдуардовна, – степенно ответил я, – более того, польщен тем, что вы сделали мне такое предложение!

От моей обходительности замдекана еще больше расслабилась. Даже уже и улыбаться начала, совсем другая картина по сравнению с ее обликом, когда я дверь открыл. От улыбки у нее ямочки очень привлекательные появлялись на щеках, приятная для глаза картина. Пришлось даже себе мысленно подзатыльник дать, нечего на нее так пялиться. Конечно, для меня, дожившего до шестого десятка, симпатичная сорокалетняя женщина кажется очень молодой и выглядит привлекательно, но не дай бог она правильно интерпретирует мой по-мужески оценивающий взгляд. Все, мне теперь шестнадцать, у меня есть жена чуть старше, пока отвыкать от старых привычек...

Впрочем, улыбка на лице замдекана тут же сменилось сосредоточенным выражением, едва она вчиталась в мой текст. А потом оно сменилось удивлением. Закончив читать, Эмма Эдуардовна меня спросила:

– А кто тебе помогал? Очень серьезный текст...

– Да никто, собственно, – пожал плечами я, – есть же множество образцов в научных журналах, как должен выглядеть текст. Введение, основная часть, выводы в заключении, литература. Никто не мешает изложить свои мысли по уже существующему образцу. Если есть какие-то вопросы по тем

или иным положениям, я всегда готов по ним дискуссировать, чтобы доказать, что вполне ориентируюсь в том, что тут написал.

Замдекана сидела какое-то время в оторопи, переводя взгляд то на меня, то на странички с текстом.

– Ну... тогда поздравляю тебя, у тебя есть явные склонности к научной деятельности! – отмерла, наконец, Эмма Эдуардовна, – да, ты прав, видно все же, что это твоя собственная работа, ты термины некоторые используешь совсем необычно, не так, как принято. Да и не знаю я никого, кто на такую тему хотя бы тезисы опубликовал в таком же стиле. Кое-что, конечно, стоит подправить, чтобы не выглядело слишком дерзко, ты же студент, тебе не стоит использовать такие категоричные суждения. Но в целом молодец, предстоят в основном, стилистические правки, а не смысловые.

Когда покидал кабинет замдекана, вместо взмыленного бюрократа, к которому зашел, оставил в нем милую, воодушевленную текстом моего доклада, женщину. Возникли даже опасения, что слишком переборщил с качеством доклада – как бы не возникло у нее желания устроить мне научную карьеру. Начнет еще заталкивать меня в аспирантуру и обидится, когда я решительно откажусь. Есть много чего в жизни, чего мне не хочется делать, и оснащение нормальной научной работы чертовой кучей ссылок на труды классиков марксизма-ленинизма как раз из этого списка занятия. Ни малейшего желания на это время тратить. Ну, или я

слишком капризничая... Ладно, если предложит, то всегда можно взять паузу на обдумывание. И до этого еще надо четыре года отучиться с лишним, так что рано беспокоюсь вообще.

К Сатчану попал в итоге уже сильно после обеда. Пришлось посидеть, подождать в приемной, пока он всех посетителей раскидал. Понедельник – день тяжелый, как говорится.

Судя по лицу, тезка мой сильно не удивился, меня увидев. Понятно, в принципе, ситуация скользкая. Лишних встреч не бывает в таких случаях. Поздоровавшись и обсудив кратко пару текущих моментов, типа «сделал ли звонок бригадир по поводу телефона», перешли к теме типографии.

– Уверен, что получится решить вопрос с тамошними дельцами? – поинтересовался у Сатчана. – Они явно из криминальных кругов, раз к насилию первым делом прибегли.

– Да, – Сатчан энергично кивнул головой. – Это даже хорошо. С такими разбираться намного проще. Это тебе не партийные кадры. Так что даже не волнуйся.

– Что решил делать?

– Что и положено, – он хитро улыбнулся. – Будем клин клином вышибать.

– МВД на них натравишь?

Тот неопределённо пожал плечами в ответ, улыбнувшись загадочно.

– Только давай, чтобы Борщевский ещё больше не постра-

дал, – предостерёг я. – Ему могут захотеть отомстить за то, что сдал их. Они всё про него выяснили: где живёт, с кем, где учится...

– Не бойсь. Не пострадает твой выскочка. Там не дураки.

– Но лучше тихо всё сделать, – задумчиво сказал я. – По хорошему ведь, если подумать, он должен был бы идти с этой проблемой к нашему куратору Самедову. Но мы не знаем, откуда информация утекла про то, что Борщевский в типографии лишнего увидел. Не пойму, зачем надо было пресовать Кирюху, если мы все уже об этом знали? Или бандиты решили, что он может нас всех заткнуть, как руководитель группы? А Самедову наплесть что-нибудь, типа ошибся, не так всё понял...

– Или они не знают о том, что все уже знают, – предположил Сатчан. – Просто добиваются, чтобы он молчал. Но ты прав, лучше про этого Борщевского лишний раз не упоминать. Чтоб ваш комсомольский начальник в МГУ не узнал, что тот замешан и не начал задавать ему вопросы вроде «почему ко мне сразу не прибежал?»

– Вот-вот. Согласен, – я кивнул. – Самедов откровенно заинтересовался темой типографии... – припомнил я. – Вы проводил нас и, наверняка, какие-то действия сразу предпринял, кому-то сообщил. А после этого на Кирилла напали. Фиг знает, сейчас уже сложно понять, от кого информация бандитам пошла. Если так подумать, то и директор типографии у меня на этот счет под большим подозрением. Уж

очень он уверенно себя вел, несмотря на нарушения, даже попыток не делал как-то отмазаться, убедить нас не сильно плохой отчет писать.

– Ну, значит, правильно пока все делаем, – подытожил второй секретарь. – Милиция пусть работает, а я предупрежу всех, чтобы ваш Прожектор никак не светили и Борщевского не упоминали. А про бандитов не беспокойся. Им сейчас так перца на хвост сыпанут, они и думать забудут про каких-то там студентов. Проблемы посерьезней решать начнут. На какой срок сесть – пять лет или десять, и по какой статье.

Переговорив по типографии, решил и вопрос по поводу ускорения брака сестры сразу обсудить. Изложил Сатчану ситуацию. Подумав немного и глядя на меня несколько встревоженно, тот сказал:

– Помочь-то не сложно. Но ты понимаешь, Паша, что Ливан – это не социалистическая страна? И то, что у тебя теперь будет близкий родственник оттуда, послужит препятствием для карьеры? Этот факт всплывать будет постоянно. Ты даже не представляешь, насколько часто.

– Прекрасно понимаю, и нисколько этим не озабочен. Я же тебе не врал тогда еще, в Святославе, когда сказал, что не рвусь делать какую-то крутую карьеру, – энергично ответил я, – да и, если бы ты знал мою сестру, то прекрасно понял бы, почему я так спешу и всячески ее переезду способствую.

Сатчан хохотнул, сказал, что ему уже захотелось с ней по-

знакомиться, глянуть хоть одним глазком, что это за девушка-атомная бомба. А потом пообещал помочь, сказав перезвонить завтра за результатом.

Отлично! Большого мне и не надо пока. Поблагодарил его и попрощался.

Оставалось решить еще один вопрос, который я все откладывал, но необходимость назрела. Сессия требовала моего внимания, поэтому, найдя телефонную будку, набрал Константина Сергеевича из «Знания».

Объяснил ему, что в январе уже не зачеты будут, а экзамены. И мне по этому поводу, хотя деньги и нужны, но все же стоит прерваться до конца января с лекциями. Чтобы из МГУ не вылететь...

Константин Сергеевич в мое положение согласился войти. И даже неожиданно для меня спросил:

– Но в конце января же экзамены закончатся, и у вас, Павел, будет пару абсолютно свободных недель?

– Все верно, – подтвердил я, сразу же учуяв носом возможную поживу. Опыт все же.

Так оно и оказалось. Шеф сказал, что во многих городках вокруг Москвы есть настоятельная потребность в серьезных лекторах из столицы – людям хочется приобщиться к столичному уровню. И там есть и полное понимание, что ради одной лекции никто к ним из Москвы не поедет. Поэтому сложилась особенная форма работы с обществом «Знание». Лектор приезжает из Москвы на пару дней, при этом за ним

туда отражают машину, и потом на ней обратно и отвозят, и все время, что в городке, он посещает с выступлениями одно предприятие за другим. На каждом и платят, и в целом, как дипломатично описал ситуацию шеф, «радушно принимают». Это он так про подарки и про то, что напоят и накормят, телефонный же разговор, все же.

– В день, – говорил он, а я благоговейно слушал, – можно посетить до десяти предприятий. Ну сам понимаешь...

– О да, я понимаю! – вторил я, как адепт какой-то религии повторяет вслед за священником какие-то важные формулы.

– Ну только ты должен быть способен голос не сорвать. Бывало такое. Вышло очень неудобно. Все договорено, а лектор голос теряет на пятом предприятии из десяти. В следующий раз такого, сам понимаешь, уже не отправишь.

Заверил Константина Сергеевича, что я полностью, на сто процентов, в деле. И голос специально буду тренировать перед поездкой, чтобы выдержал.

Вот оно как! Гастрольный тур звёзд по стране, оказывается, не только у эстрады существует. И мое все более любимое «Знание» такое тоже практикует.

Две недели каникул... по сотне рублей в день ... Ого! Плюс дары от благодарных из-за приезда столичной звезды политпросвещения слушателей... И снова – ого! Мечта о машине становится ближе. Хотя, конечно, на нее денег понадобится намного больше, но все равно – за пару недель каникул поднять больше тысячи рублей...

Мысли потекли в другом направлении. Голос, значит... Кажется, мне нужно использовать имеющееся до «гастролей» время, чтобы точно его не потерять.

О проблемах с голосом слышан, было много знакомых преподавателей в прошлой жизни. Правда, в двадцатом веке, как оно сейчас у советских преподавателей, не знаю точно. Но что рассказывали – лекции и семинары им ставят часто совсем по-зверски. Один как-то жаловался, что у него было шесть лекций подряд, каждая по полтора часа почти, и на шестой он мог уже только хрипеть, голос сорвал полностью. А они же люди закаленные этой дьявольской работой, что же про меня говорить. Я точно могу голос потерять уже на пятой лекции подряд... Даже с учетом, что они у меня намного короче, по сорок-пятьдесят минут каждая. Да и нужно учесть, что и в перерывах не отдохну – меня будут расспрашивать местные шишки, им же интересно поговорить с лектором из Москвы тета-тет. И молчать не будешь, обидятся, стуканут в Москву. Да что шишки, даже водитель может разговорчивый попасться в машине, когда с места на места переезжать будем... Хотя его, все же, заткнуть и можно, но общей проблемы это не решает.

И тут я вспомнил про докторшу, к которой водил Эмму.

Глава 5

Москва.

Инну подключу, пусть мне консультацию у Серафимы Михайловны организует. Зря я, что ли, туда сестру пристроил? И вообще, долг платежом красен. Поедем Жариковых поздравлять, вот и скажу, что мне очень к доктору надо попасть после Нового года и, желательно, не затягивать. Посмотрим на Инкину реакцию...

Когда, только, к ним ехать? Сессия, будь она неладна. Только один зачёт автоматом поставили, остальное всё надо сдавать. И ещё Галия посмотрела у себя расписание экзаменов, и первый у нее поставлен на второе января. Все наши планы на поездку в Святославль могут пойти в утиль. Если не предпринять энергичных шагов. Ещё утром за завтраком велел ей сразу идти к отцу и просить помочь с этим экзаменом.

Она, сперва, возмутилась: как это так?! Пришлось ей напомнить, что, например, Диане батя будет практически всё сам ходить закрывать, со всеми договариваться. Так что, один экзамен, это вообще не считается. Тем более, что он вполне готов к такому повороту и наоборот, будет очень счастлив, что с него всего один экзамен.

Галия побурчала недовольно, но потом согласилась со мной.

По вторникам жена после института на заводе трудится. Сам приготовил ужин, пока её ждал. Ну, как приготовил, макароны сварил и тёртым сыром посыпал. Но она и этому очень рада была. За ужином рассказал жене о приглашении в Большой театр, она сначала зависла, потом, когда до неё дошло, взвизгнула от радости. Потом сникла.

– Ну, что такое? – удивился я. – Надеть нечего?

Галия кивнула.

– Тати сюда свои платья. – предложил я. – И туфли. Устроим смотр. Если ни на чем не остановимся, нужно устроить поход по магазинам, или найти хорошую швею.

Ну а что, когда у тебя молодая красивая жена... Надо, блин, пользоваться этим!

Все же нашли неплохой комплект из платьев и туфель. С моей точки зрения, для советского театра неплохо. Короткого черного платьица нет, но оно больше для американского театра подходит, а не для нашего. Если я и в этом не путаюсь...

Но Галия все же сомневалась в нашем выборе. Пришла в голову прекрасная идея – сказал ей сходить к соседке. Она женщина интеллигентная, точно знает, подойдет или нет подобранный комплект для похода в «Большой» в 1971 году. А то я, со своими вкусами из двадцать первого века могу налажать по вопросам моды. Да и мне вообще больше всего нравится вид Галии не в платье, а без него.

Закончился поход к соседке неожиданно для меня – она

появилась счастливая, и не в том платье, в котором уходила. Нашлось в шкафу у Ирины Леонидовны что-то, что село ей по фигуре. Боюсь даже прикидывать, какого года, но выглядела она в этом темно-синем платье расчудесно.

Первоначально думал, что поедем на автобусе, а потом она переобуется в гардеробе. Но нет, лучше прямо в туфлях на такси её к театру подвести как принцессу. И на такси же домой. Надеюсь, не успеет замёрзнуть, пока я после спектакля в ночи машину буду искать.

– В половину седьмого надо быть уже там. – задумчиво проговорил я. – В шесть выйти из дома. Ты успеешь к шести собраться?

– Конечно. – пообещала жена.

Эх, не сообразил сразу, надо было сказать, что к половине шестого надо быть готовой. К шести, как раз, собралась бы.

Потом разговор плавно перешёл на подарки.

Решили с женой собрать подарочные продуктовые наборы с дефицитом. Для целой семьи надо собрать большой набор, для одного человека – поменьше. Прикинули с женой, нам надо семь больших подарков и штук десять маленьких.

Ну а чтобы разжиться дефицитом, поедем в центр, будем заходить во все магазины подряд. Если будет стоять очередь, один из нас займёт, второй посмотрит, что дают.

Решили затариваться с запасом. Купить шоколадных конфет каких-нибудь, чай, кофе, шампанского. Детям каких-нибудь сладостей.

Надо было бы ещё что-то купить малышу Юльки и Жариковым на новоселье.

Сразу возник вопрос, как эти наборы упаковывать? Пакетов полиэтиленовых ещё нет. Предложил жене в ближайшем магазине попросить небольшую стопку плотной упаковочной серой бумаги, да завернуть каждый подарок отдельно. Ещё и ленточкой перевязать красивой, подарок же. И надёжнее будет. Галия пожала плечами.

– А какими ленточками? – спросила она.

– Ну, какими-нибудь. Белыми... Во, кружевными! Типа, снежинки.

– Точно! – подхватила инициативу жена. – Ещё можно вырезать из бумаги маленькие снежинки и наклеить.

– Да. Очень необычно будет. – одобрил я. – Перед отъездом в Святославль надо будет поздравить с Новым годом батю с Кирой, Жариковых и бабушек. Заодно рюкзак взять в деревне, чтобы подарки в Святославль везти. Кстати, я Лёху с нами пригласил. Он, правда, не особо ехать хочет, всё хандрит, Дианку забыть не может. Боюсь, придумает, что-нибудь, в последний момент, чтобы соскочить... О! Надо ему часть подарков в Святославль заранее всучить! Тогда, точно, поедет, никуда не денется, он обязательный. Не решится оставить наших родственников без подарков.

В среду во время обеда мы всей бригадой несколько раз прогнали выступление по второму сценарию. Завтра нам опять выступать перед заводчанами. Все остались после пар,

ещё репетировать, а я помчался домой.

Мне телефон сегодня будут ставить! Ещё вчера нашёл аппарат, отнёс его, как новый стал. Приготовил табуретку в коридоре, пока прихожую не купим, так и будет телефон на табуретке стоять.

Не успел даже толком перекусить, как в дверь требовательно постучали. Я бы даже сказал, замолотили. Тузик зашёлся истошным лаем. Пришлось его закрыть в спальне. Открыл дверь, а на пороге увидел здорового мужика в синей телогрейке.

— Дома? — скорее констатировал, чем спросил он. Не представился, не поздоровался. Я только по голосу его узнал. — Отлично. Телефон приготовил? — я кивнул в сторону табурета. — Дай посмотреть. — бригадир по-хозяйски прошёл в квартиру, схватил мой аппарат и начал крутить его в руках. — Пойдёт. — наконец сказал он, сунул его мне в руки и велел на ходу, сбегая вниз по ступенькам: — Будь дома!

— Конечно. Куда же я уйду? — ответил я неизвестно кому, так как его уже и след простыл.

Сверху, осторожно спускаясь по лестнице с ведром в руках, показалась соседка Регина, живущая над нами.

— Это что? — ошарашено спросила она. — Вам телефон устанавливают? Наш дом, что, подключили уже что ли? — в её голосе послышался восторг.

Только её не хватало на мои седины! Понёс её чёрт мусор именно сейчас выбрасывать!

– Нет. К сожалению, дом не подключили. – ответил ей я.

Я уже не раз думал о том, что делать с тем фактом, что телефон будет только у меня. Старый опыт жизни в СССР однозначно свидетельствовал, что ходить ко мне звонить будет весь подъезд. На улицу на полсотни метров дальше, да и одеваться тепло надо в холодное время года. Что уж говорить и про то, что с таксофона по межгороду не позвонить... Что угодно можно поставить о заклад, что большинству жителей тут же понадобится межгород... в моей квартире.

Но и спрятать телефон никак не получится. Достаточно представить себе, как телефон будет звонить в квартире в наше с женой отсутствие, а у лифта будут стоять соседи и слушать эти трели. Да и народу полно в любое время дня, вот уже и наткнулся на первого свидетеля. Как и ожидал. Сегодня же весь подъезд будет знать, что у меня в квартире установили телефон. Так что правда, и ничего кроме правды!

– Воздушку тянут... – восторг на лице соседки сменился горьким разочарованием.

– А почему только вам? – дерзко спросила она.

А вот на этот вопрос правдивый ответ не годится. Нельзя же сказать, что по благу...

– Потому, что я лектор общества «Знание» и начальство хочет иметь доступ к моей персоне в любое время дня и ночи. – печально развёл я руками, выдавая заранее заготовленный ответ.

– Вот как? – с интересом посмотрела она на меня. – Я

не знала...

И никто в подъезде не знал. Но теперь, соседка это в миг исправит.

Пока мы с ней препирались, спустился сверху по лестнице бригадир. Он же вниз спустился... Может, успел на лифте подняться, ему же на крыше работать надо. Посторонился от щитка, дал ему работать. Ушёл в квартиру, оставив дверь открытой. А Регина так и осталась у нас на этаже с пустым мусорным ведром в руках. И, по-моему, она флиртовала с бригадиром.

Появился ещё один связист. Они ходили туда-сюда, затем протянули мне тонкий телефонный кабель. Оставили приличный моток.

– Сам потом протянешь, куда захочешь. – прокомментировал второй связист, сидя на моём табурете и пытаясь дозвониться куда-то.

А, кстати, да. Почему телефон обязательно в коридоре раньше стоял? И у моих родителей, и у знакомых... Вот же, человек мне провода в запас оставил метров десять. До большой комнаты хватит.

Наконец, связист заорал кому-то в трубку набор цифр. Появилась связь! Вскоре он вышел. Я поднял трубку, до этого молчавшую, и услышал долгожданный гудок. А где же этот? Я ж ему чирик обещал...

Выскочив в подъезд, наткнулся на Регину и Ирину Леонидовну.

– О! Паша! – воскликнула Ирина Леонидовна, радостно улыбаясь. – Вас можно поздравить?

– Можно. – кивнул я, решая, куда мне бежать за бригадиром, вверх или вниз.

Тут открылся лифт, и он сам появился на нашей лестничной площадке. А за ним вышла вернувшаяся с работы Галия.

– Номер-то мне скажешь? – потянул я за рукав бригадира к себе в квартиру, на ходу целуя жену в щеку и пропуская её в дом. Не при соседках же мне с человеком расплачиваться.

Он всё правильно понял и не заставил себя упрашивать. С людьми работает...

Он чирканул цифры в выдавшем виды блокноте, вырвал листок и протянул мне. Это был номер моего телефона. Протянул ему чирик в ответ.

– Что это за номер? – спросил я. – Спаренный или мой личный?

– Личный. – как о чем-то само собой разумеющемся ответил он, сунул чирик во внутренний карман и повернулся к Галие, удивлённо стоявшей на кухне.

– Можете пользоваться. – вежливо улыбаясь, заявил ей он и не тронулся с места.

Так. Я не понял! Это что за подкат к моей жене?

– Вам, наверное, надо идти? – открыл я входную дверь. – Спасибо вам большое. Мы с супругой вам очень благодарны.

Он постоял мгновение, переваривая услышанное, кивнул нам, прощаясь и вышел. Давай, давай. Вали. Тебя там Регин-

ка ждёт. А то, ишь, на молодую засмотрелся.

Жена даже не поняла, что только что произошло на её глазах. Она подошла к телефону и с благоговением подняла трубку.

– Гуди-иит!... – пропела она счастливо и сразу стала набирать какой-то номер. Ушёл в кухню, хотел ей яичницу пока пожарить.

– Так, сейчас межгород к своим закажу... проверим заодно.

Как раз дожарил яичницу, когда соединили.

– Ало! Мам! – услышал я из коридора. Ну, кто бы сомневался... – Паша! Паша! Какой у нас номер? – кричала жена. Отнес ей записку из блокнота бригадира.

Сейчас потрепятся с тётшей и надо будет отзвониться бате, Сатчану и Константину Сергеевичу, сообщить им мой номер телефона.

Наконец, все звонки были сделаны. Галия ещё и Маше позвонила. А я маме на работу. А потом и Сатчана набрал.

Сатчан воспользовавшись моментом, сообщил мне, что с моей просьбой не всё так просто.

– Там куча разных документов дополнительных понадобится. – сказал он. – Разрешение на брак из его посольства. Перевод его документов на русский... И сестре твоей придётся побегать, бумажки собирая.

– Сможешь помочь? – спросил я.

– Чем смогу, помогу. – неопределённо ответил он. – Кто

из них более толковый? С кем дела обсуждать?

– По-любому, с Фирдаусом. – ответил я.

– Пусть он мне позвонит. Дай ему мой номер. Прикинем, с чего начать.

– Спасибо!

– Не за что, пока.

Мы попрощались. Положив трубку, только обратил внимания, что Галия рядом стоит, разговор слушает, не наигралась до сих пор с телефоном. Главное, был же у неё в родительском доме телефон. До такой степени отвыкла, что ли? Или соскучилась?

Вернулись с женой на кухню. Съели давно остывшую яичницу с огромным удовольствием, и вспомнили о делах прошедшего дня. Галия после пар заехала в Детский мир и накупила детских колготочек, носочков, трусиков, маечек самого маленького размера, какой был. Гордо вывалила свою добычу прямо на кухонный стол. Перебирал это тряпье, разворачивая многочисленные свёрточки, в полном замешательстве. Думал, она погремушек купит, грызунков, развивашек. А тут...

– Ты что? Это такой дефицит! – заявила мне жена, заметив мой скептический взгляд. – Отдельные очереди отстоять пришлось за всем этим.

В её голосе я услышал обиду и поспешил отвлечь её поцелуями. Может, Юлька, и правда, будет рада. Поживём, увидим.

– Ладно, ладно, дорогая. Тебе виднее. Посмотри лучше, что я Жариковым на новоселье купил.

Торжественно и бережно принёс из нашей спальни средних размеров коробку. Галия с интересом начала открывать её, забыв о своих обидах. Мне понравилось с какой реакцией она достала из коробки бело-голубые фарфоровые настенные часы, расписанные гжельской росписью.

Восхищённое «Ах» вырвалось у неё. Отлично. Значит, не ошибся. И, кстати, почему бы и нам такие же себе не купить? Нам очень не хватает часов на кухне, но большие деревянные с маятником сюда совсем не вписались, мы их повесили в большую комнату. Вот и купим такие же гжельские часы, они поменьше, полегче, отлично сюда впишутся.

Сели с женой заниматься. Тут вспомнил, что надо обсудить, что нам из мебели в первую очередь нужно.

– Холодильник бы. – жалобно попросила жена. – Привыкла уже, без него как без рук.

– Понятное дело. – согласился я. – ЗИЛ бы взять... Но в комиссиях они втридорога стоят.

– Ну, а зачем ЗИЛ? – возразила мне жена. – Вон, я видела стоят холодильники Саратов, Свяга... Хорошие, я открывала.

– А цена? – уточнил я.

– Рублей двести, кажется.

– Это мы можем себе позволить. Если тебе нравится, то не вижу проблем. Надо идти и покупать. А из мебели что

нам надо?

– Ну, в прихожую надо кушетку какую-нибудь. А то ни присесть, ни сумки поставить.

– И всё?

– Шкаф бы ещё с полками, как у Маши. – мечтательно проговорила жена.

Вспомнить бы, что там за шкаф с полками... Обычная, вроде, прихожая: платяной шкаф с антресолями, шкаф с двумя верхними открытыми полками и антресолями и собственно шкаф с вешалками и тоже с антресолями.

– Я понял. Сначала покупаем прихожую. А стиралку какую?

– Ну, когда будешь по магазинам ходить, присматривай заодно и стиральную машину. Кстати, можешь по этому поводу с соседкой переговорить, она точно разбирается.

* * *

Квартира Ивлевых.

Галия сидела за учебниками и, вместо того, чтобы грызть гранит науки, ломала голову над новогодним подарком мужу. Ей очень хотелось подарить ему что-нибудь необыкновенное, хотелось удивить! Но в голову ничего не приходило. Чем его можно порадовать? – думала Галия. Она ни разу ещё не слышала от него классического “хочу-уу!”. Он всегда размеренно, трезво взвешивал все за и против, прежде, чем что-

то себе приобрести. Он ничего не коллекционировал, ничем не увлекался. Вот, машину он хочет, но не потому, что “хочоочет!”, а потому, что с ней жить легче и удобней. Или, вот, он говорил о книгах...

Книги! Вот же оно! – Галия чуть не взвизгнула от радости, что нашла, что подарить мужу. – Какие книги ему нравятся? Наверное, что-то умное, про политику или экономику, чьи-нибудь мемуары...

Галия расстроилась, самой ей ни за что не выбрать такую книгу.

Сейчас он с Тузиком гулять пойдёт, позвоню Маше. – решила Галия. – Может, что-то посоветует. Или у Виктории Францевны спросит, что сейчас дипломаты читают?

* * *

Мы с женой сидели за единственным нашим столом на кухне и занимались. Вдруг раздался стук в дверь. Соседка со второго этажа, любительница потрепаться с Инкой, стояла на пороге и любезно улыбалась.

– Инна с мужем переехали к себе на квартиру. – равнодушным тоном сказал я и думал уже закрыть дверь, как соседка поспешно воскликнула:

– А я к вам!

Она также улыбаясь попыталась подойти ко мне ближе в надежде, что я сдвинусь в глубь квартиры и раскрою шире

дверь.

Явно хочет в хату заглянуть. – решил я и остался на месте. Между нами было всего сантиметров десять. Я смотрел её в глаза, а она мне.

– Это не ваш рыжий котик за трубу мусоропровода забился? – вдруг спросила она, показывая куда-то на лестницу.

– Мурчик! – вспомнил я, что давно не видел кота. Меня Галия не простит...

Бросил оборону, сдвинул соседку и помчался вниз по лестнице на один пролёт. Точно, наш бестолковый кот выскочил сегодня из квартиры, и, испугавшись чего-то, спрятался в углу за трубой мусоропровода. Протянул к нему руку, чтобы вытащить. Так этот дурак ещё и зашипел на меня.

– Тихо, тихо. Свои. – попытался успокоить его я, но всё равно, одну руку он мне прихватил когтями, пока я его домой донёс.

– Спасибо. – пришлось сказать соседке, хотя она рассмотрела уже всё, что ей было надо.

Улыбнулся ей, вернулся в квартиру, пустил кота на пол и он сразу метнулся на окно в кухне, где у него еда была. Такой стресс пережил, а, первым делом, туда же: жрать.

Ещё раз поблагодарил соседку и запер дверь перед её любопытным носом.

– Ну, всё. – беспомощно развёл я руками, подходя к жене. – Жди паломничество к телефону теперь. Только от Инкиных пациентов избавились, так теперь телефон появился

один на весь подъезд.

– Ну, мы же тоже не всё время дома. – усмехнулась Галия. – И надо глазок в дверь поставить.

– Что ты хочешь сказать? – улыбнулся я. – Что мы им дверь не будем открывать?

– Кому-то будем. Ирине Леонидовне, например.

Глава 6

Москва, квартира Ивлевых.

Да уж... За котом нужен глаз да глаз. Молодой, любопытный. Хорошо хоть за мусоропроводом спрятался, а мог и на улицу выбежать...

Ладно, раз уж все равно от занятий отвлекли, пойду сразу с собакой погуляю.

* * *

Только муж вышел за порог, Галия метнулась к телефону и вскоре заболталась на радостях с подружкой о своих важных женских делах, чуть не забыв о самом главном.

– О, Маш! – вспомнила, наконец, Галия о цели своего звонка. – Хочу Паше на Новый год книгу какую-нибудь в подарок купить, но не знаю, чем бы он мог заинтересоваться. О чём не спрошу, он всё уже читал. Что мне ему подарить?

– Ну, ты нашла, у кого спросить. – озадаченно ответила ей подруга. – Надо с бабушкой поговорить. Может, что и посоветует.

– А можешь у Вити спросишь? Что у него отец сейчас читает? Или хотел бы почитать, да времени нет... – попросила Галия.

– Спрошу, конечно. – пообещала Маша.

* * *

Пока гулял с Тузиком, думал, что подарить жене на Новый год. Очень хотелось сделать ей сюрприз. Так приятно, когда она радуется. Что же ей подарить? Сначала ничего в голову не пришло. А потом пошел рассуждать классическим образом – если не знаешь, что купить своей женщине, то купи что-нибудь золотое. На что угодно может женщина обидиться, если не угадаешь, но вот на подарок из золота – никогда. Ну, если, конечно, у нее нет запросов стать владычицей морской, и золота маловато покажется. Но у меня жена – неизбалованная молодая девушка, и для меня такой подарок – верняк. Ну а что перебор по деньгам в нашем возрасте – так могу себе позволить супругу побаловать. Не совсем обычный студент, все же, неплохо подрабатываю. Кстати, 8 февраля уже у Галии и день рождения, надо тоже будет потихоньку что-то искать. Но это еще потерпит.

Остаток вечера усиленно занимались с женой.

В четверг позвонил майору Круглову. Он уже договорился насчёт меня с военкоматом, мне надо будет подойти туда и узнать, где у них учебная база.

Не очень было удобно, но я, всё же, набрался наглости и спросил:

– Олег Игоревич. А нельзя ли ещё одного курсанта при-

строить?

– Кого? – не очень-то обрадовался тот.

– Жену мою.

– Паш, ты сейчас серьёзно? – не поверил собственным ушам майор. – Это же курсы по вождению грузовиков! Ты представляешь себе, вообще, свою жену за рулём грузовика?

– Ну, не очень обычно, конечно, – согласился я. – по нынешним временам. Но моя бабушка всю войну на полutorке проездила и нормально...

– Нормально... – недовольно передразнил меня Круглов. – Не женское это дело! – вдруг заявил он.

– Ну, почему же? – неожиданно для самого себя рассмеялся я. – Страшно, что женщины лучше нас справятся?

– Кто? Бабы? Да не в жизнь!

– Не проверим, не узнаем. – подначивал я майора.

– Хотя, были же женщины-трактористки... Эта, как её, Паша Ангелина! – вдруг согласился он. – Ладно. Узнаю. Перезвони мне на следующей неделе.

– Мне, кстати, телефон дома поставили. Запишите номер, на всякий случай?

– Давай.

Продиктовал ему номер, мы попрощались. Рано, конечно, радоваться, но не думаю, что мне откажут.

Эх, будет у меня жена ЗИЛ водить!

– Что такой довольный? – спросил меня Лёха, когда я присоединился к своим в столовой. – Аж руки идёшь потира-

ешь.

– Замёрзли что-то. – отбрехался я, не стал пока ничего говорить, чтоб не сглазить.

Мы, как всегда, прогнали разок свою агитпрограмму.

– Ладно, хватит. – сказал я. – Перед смертью не надышишься. Расслабьтесь и наслаждайтесь жизнью. Скоро Новый год. Сегодня последнее в этом году выступление. Дадим нашему начальству из комитета комсомола возможность заработать дополнительных очков себе в копилку. Глядишь, и нам что-то обломится от их успехов.

– Да, с начальством надо дружить. – глубокомысленно заявил Борщевский.

Он выглядел уже более-менее, отёк спал, остался пожелтевший синяк. Решили обыграть это и начать выступление со сценки-разговора.

– Знаете, дорогой друг, женщины хуже разбойников! – обращается ко мне МихМих, держась за челюсть с болезненной гримасой.

– Почему же? – задаю я, как ведущий, естественный вопрос.

– Потому, что разбойники требуют ИЛИ жизнь, ИЛИ кошелёк. А женщины И то, И другое!

И дальше всё по тексту: представляю зрителям МихМиха и объявляю сценки.

Волнение, конечно, присутствовало, но выступление не первое, и «актеры» были не такие напряженные, как рань-

ше.

После обеда мы с Лёхой и Светой шли на пару.

– Тут, это... – начал неуверенно Лёха. – Насчёт поездки на Новый год...

Понятно. Сейчас будет извиняться, что не поедет.

– О! Точно! Забыл совсем. – перебил я его. – Прикинули с женой, сколько подарков надо будет везти. Лёх! Тебе придётся нам помочь. Без тебя не дотащим. Я на следующей неделе притащу их в двух сумках, а ты их дома в рюкзак какой-нибудь переложи. У тебя же есть рюкзак?

– Рюкзак? – недоумённо глядя на меня, переспросил друг. – Был, вроде, где-то. Надо у моих спросить, пока не уехали.

Переключившись на рюкзак, Лёха не стал продолжать разговор на тему поездки. Зато Света включилась и с неподдельным интересом пыталась нас. А что? А куда? А с кем? В какой-то момент, даже, подумал, что сейчас начнёт с нами проситься.

– Ой, какие вы счастливые! – в конце концов воскликнула она после моего подробного отчёта про наши планы. – А мне придётся с родителями новый год встречать и с их знакомыми с работы в каком-то доме отдыха. Даже не знаю, где он...

– Ну, подожди расстраиваться. – сочувственно ответил я. – Может этот дом отдыха где-нибудь в Абхазии. На море посмотришь.

– Если бы. – усмехнулась Светка.

Но, судя по тому, что она не сильно расстроилась, представив себе Абхазию, встречать Новый год они собираются, точно, не в Подмоскowie. Семья у нее непростая, так что варианты могут быть вполне козырные.

После пар отправились всей бригадой на завод. По дороге перекинулся парой слов с Борщевским. Спросил, где он сейчас обитает?

– Так, в общежитии у однокурсников. – как о само собой разумеющемся ответил Кирилл. – Ты ж сам сказал.

– Всё правильно. Просто, уточнил. А родители что говорят? Дома никаких нештатных ситуаций не было?

– Не было. – удивлённо посмотрел на меня приятель. – Вроде. Я не спрашивал... Я же им сказал, что к сессии готовлюсь в общежитии. Как я спрошу?

– Ну, как?.. Привет, как у вас дела? Всё нормально? Без меня справляетесь? Ничего у вас там не случилось? Я тут останусь ещё?

Кириуха хмыкнул.

– От меня дома пользы... Они и не почувствовали, что меня дома нет.

– А вот это зря. – в свою очередь удивился я. – Помогать родителям надо.

– Зачем? Только под ногами мешаться, как мать говорит.

– Затем. Всему на свете учиться надо. Как ты один жить будешь? Ничего не знаешь, ничего не умеешь. Даже квитанцию за квартиру не оплатишь сам.

– Я не буду один жить. – хитро прищурившись, возразил он мне. – Я у родителей один. Парню с квартирой в Москве не трудно жену найти.

– Ну, как знаешь. Главное, чтобы невеста твоя не за квартиру твою замуж выходила, а за тебя.

На заводе сразу направились в комитет комсомола. Сатчан был уже там. Ну, куда же без автора.

Нас привели в цех. Народу собралось целая толпа. То ли цех крупнее, чем тот, что мы первый раз посетили. То ли народ из других цехов подтянулся.

Мои ребята несколько растерялись, увидев столько народа.

– Спокойно! – обратился я к ним, пока мы раздевались. – Всё то же самое, как в прошлый раз. Выходим, отыгрываем, уходим. Ничего не изменилось. Только, если сможете, говорите громче.

Моя уверенность передалась ребятам. И дальше всё пошло по плану. Слава о нашем предыдущем выступлении разнеслась по заводу, поэтому нам не надо было в этот раз первую половину на сцене доказывать, что мы чего-то стоим. Народ с первых же моих фраз начал посмеиваться. А когда вышел МихМих-Борщевский с фингалом под глазом и начал жаловаться на женщин, тут уж народ в открытую ржал. Такой приём нас очень воодушевил, и мы с таким куражом отыграли весь наш мини-спектакль, что нам реально аплодировали в конце, не отпускали и требовали ещё. Отыграли оставлен-

ную на этот случай сценку, поклонились и пошли к нашим вещам, давая понять народу, что это всё. Люди с пониманием отнеслись, начали неспешно расходиться, оживлённо беседуя друг с другом.

Сатчан был очень доволен. Сунул мне в руки картонную папку на завязках.

– Это что? Продолжение? – догадался я. – Третья часть? Не многовато будет? Запутаются ребята. На мой взгляд, надо было с первой частью какое-то время поработать, полгода-год. А потом уже на вторую переходить.

– Ну, смотри сам. Как вам удобно. Главное, в одном и том же месте не выступать с одной и той же программой.

– Ну, это понятно. – согласился я и спрятал папку в портфель. – На этом пока всё? У нас сессия. Мы до февраля выступать не можем.

– Помню, помню. – кивнул второй секретарь. – А где твоя жена?

– Не стал её сегодня дёргать. Ей в цеху какую-то срочную работу подкинули.

– Ну, молодцы. – обратился Сатчан ко всем нам. – Миш, команду!

– Так. – подключился помощник заводского комсорга. – Сейчас все идём в комитет комсомола!

Мы уже собрались идти. Хотел тормознуть немного и придержать Сатчана, чтобы поговорить насчёт Кирюхи и узнать, какие новости на счёт Фирдауса и Дианы, как вдруг услы-

шал, как кто-то кричит.

– Па-ааш! – увидел я подбегающего к нам Серёгу из поезда, которого катали обули. – Привет! – он радостно протянул мне руку. – Ну, вы даёте! – восхищённо оглядывал он нашу бригаду. – Если б не знал тебя, подумал бы: настоящие артисты!

– Спасибо. – вдруг засмушалась Светка под его восхищённым взглядом.

– Слушай! У меня же телефон теперь есть. – вспомнил я. – Есть куда записать?

Советский человек без записной книжки и ручки из дома не входит. Продиктовал ему свой новый номер.

– Я тоже так хочу выступать! – вдруг заявил Серёга.

Сатчан и Михаил, терпеливо стоявшие рядом в ожидании нас, дружно расхохотались.

– Ты посмотри! То никого не дозовёшься! – проговорил помощник заводского комсорга, качая головой. – То сами просятся!

– Тут важен правильный подход к молодёжи! – покровительственным тоном ответил ему Сатчан и многозначительно поднял вверх указательный палец.

Да-да, конечно, правильный подход! – рассмеялся я про себя. – Квартира с телефоном, например.

– Серёг, я подумую, что можно сделать. – пообещал я приятелю.

Мы попрощались и наша компания направилась в коми-

тет комсомола.

По дороге я, всё же, тормознул Сатчана.

– Как наши дела? – сходу поинтересовался. – Кирюха так и прячется у однокурсников в общежитии, дома я ему велел, пока, не появляться.

– Предусмотрительно. – второй секретарь одобрительно кивнул головой. – Люди работают. Пусть ещё немного потерпит. – он задумчиво смотрел Борщевскому в спину, думая на ходу о чём-то своём.

Кирюха как будто почувствовал взгляд и резко обернулся на нас. Пришлось подмигнуть ему многозначительно, чтобы не пялился.

– Да... Досталось ему. – проговорил Сатчан.

– В том-то и дело...

– Люди работают. – повторил он. – Надо подождать.

– Подождём. Куда мы денемся?.. А что Фирдаус, звонил тебе?

– Звонил. – усмехнулся мой собеседник. – Хорошо говорит по-русски. Я не сразу понял, что это твой иностранец.

– Что ты хочешь, пятый курс Лумумбы. Получилось им помочь?

– Озадачил их. Пока что бумажки собирают.

– Спасибо.

– Не за что, пока.

В комитете комсомола нас ждал приятный сюрприз. Нам каждому выдали пластмассовый красный сундучок с ново-

годним подарком. Неказистый, однотонный, с простеньким изображением, но тяжёленький. Что там? Конфеты, что ли? Но мы же не дети. Ай, ладно... Дареному коню в зубы не смотрят. И вот тут я и пожалел, что в этот раз Галию с собой не взял на выступление. Она как увидит мой подарок, сразу поймет, что своего лишилась. Расстроится. Хотя... мы же на ЗИЛе работаем, нам к Новому году точно по такому же дадут. Ну, тогда так ей и скажу, чтобы не расстраивалась.

Мои актёры сразу повеселели.

– Это от нашего профкома. – начал поздравительную речь Михаил. – Мы очень рады, что в наших рядах есть такие талантливые ребята, как вы. Так держать!

– Спасибо! – поблагодарил я и все повторили за мной. – За высокую оценку нашего труда и за добрые слова. И за подарок!

Все заулыбались. Нас ещё раз похвалили и отпустили. Попрощался со своими и пошёл за женой.

По дороге домой зашли в магазин, купили семь бутылок шампанского на подарки. Домой добрался навьюченный: в одной руке портфель и сундук с конфетами от ЗИЛа, во второй две тряпичные сумки с бутылками. В одну сумку всё грузить побоялись, а то ручка оторвётся, останемся и без бутылок, и без денег.

Галия заметила письмо в почтовом ящике, пришлось подождать её у лифта.

– Миша твой из Брянска. – прочла жена обратный адрес.
– О! Насчёт нового года, наверное. – обрадовался я.

Первым делом открыли пластмассовый сундучок – интересно же, что подарили. Завод могучий, интересно, что может себе позволить?

Внутри оказалось три вида шоколадных конфет, да четыре огромных апельсина. Ну что же – неплохой подарок по нынешним временам. Не говоря уже про сам сундучок – я его под инструменты буду использовать, размер позволяет.

Пока Галия занималась ужином, я бросился читать письмо. Так едем мы в Брянск или не едем?

Мишка же, как назло, опять сначала рассказал про всех общих знакомых, и только потом перешёл к делу. Светка согласилась! И с радостью примет нас у себя. Они с Мишкой решили, что Новый год надо встречать со своими семьями. Согласен. А первого января, на вечернем автобусе, выехать в Брянск. День проведем в Брянске. И оттуда мы с женой вернемся сразу в Москву.

На счёт культурной программы написано как-то невнятно. Но, найдём чем заняться. И надо предупредить, что едем с другом. Сразу сел писать ответное письмо. А Галия подсунула мне тарелку с ужином. Заляпал немного лист жирными пятнами, но ничего. Не даме пишу.

Так, из Святославля надо уехать вечером первого. И одного дня погулять по Брянску нам с женой хватит. Зимой много не погуляешь.

Прикинул, что если мы выедем второго в ночь на Москву, то утром третьего будем дома. Я сразу рвану на экзамен в МГУ, а Галии возьму такси, поедет с вещами домой. И суну таксисту рубль сверху, чтобы помог их до квартиры дотащить. А я, надеюсь, сдам экзамен быстро, и приеду скоро к ней домой. Эх, хорошо быть молодым! Можно вот так лихо сразу с поезда на экзамен идти, и неважно, если в поезде не выспишься. Соображать вполне нормально будешь.

– Ой, надо же билеты ещё взять! – хлопнул я себя по лбу. – Небось таких умных, как мы, половина Москвы. Сейчас все куда-нибудь поехать планируют.

Решил не откладывать в долгий ящик и съездить за билетами сегодня же. Время семь, ещё рано. Да и поздно вечером в центральной круглосуточной кассе народу меньше. Уже схлынул поток тех, кто сразу после работы за билетами поехал.

По дороге решил в ЦУМ заехать в ювелирную секцию. Посмотрю, может, будет из чего подарок Галие выбрать. Появилась у меня мысль купить ей гарнитур, серьги и кольцо. На Новый год подарить кольцо, а на день рождения серьги. И вплоть до начала марта свободен от тяжких дум по выбору подарков. Да и на восьмое марта подарки можно уже полегче по ценовой категории дарить.

Велел жене не ждать меня, ложиться спать, и через пятьдесят минут я уже толкался у витрин с золотыми украшениями.

Выбрал серьги «Тюльпан» с александритами, как раз, нашлось к ним и кольцо нужного мне размера. Форма у вещиц классическая, у всех женщин Советского Союза такие. Все равно, думаю, сейчас Галие понравится, выбора все равно особого нет. А уж как падёт железный занавес, и начнём ездить в Европу, тогда и закупит себе эксклюзивов.

Довольный собой, бережно спрятал свою добычу в двух отдельных коробочках во внутреннем кармане пальто и поехал на вокзал.

Уже через полтора часа я держал в руках три билета до Святославля и три билета Брянск-Москва. Повезло – не успел и пятнадцати минут постоять, как вторую кассу открыли. Посчитав это хорошим знаком, поехал на электричке домой. Пройдусь от станции до дома.

А дома меня ждал возмущённый Тузик. Со всеми хлопотами не рассчитал время, припозднился. Не раздеваясь, сразу вывел пса. Сделал с ним круг по району. И ему приятно, и мне польза. Физо нужно больше, а то я так в делах закрутился, что и ни на одну из спортивных секций не пошел, как планировал. Хотел же на самбо или дзюдо податься, да на шахматы. Эх! Все не ухватить! Может, все же выкрою время на второй сессии? А то стрельба – вещь, однозначно, хорошая, но и тело прокачивать надо. И на шахматах сейчас есть смысл акцент сделать – учитывая, сколько чемпионов мира по ним из СССР, они сейчас на уровне какой-то мании у народа. Многие даже под водку играют... Великолепная

вещь, чтобы устанавливать с людьми самых разных социальных слоев доверительные отношения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.